

Учредитель издания:

**Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»**

Главный редактор:

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яценко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
Е. В. Богданов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
В. А. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
М. Н. Илюшина, канд. юрид. наук, доц.;
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
О. М. Медведев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
М. М. Рассолов, д-р юрид. наук, проф.;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
Г. С. Стародубцев, д-р юрид. наук, проф.;
А. А. Усачев, канд. юрид. наук, доц.

© Вестник Российской правовой академии, 2012

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикация в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754, 8-499-613-7218
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

Т. А. Гетьманова, Ю. А. Гребнева, О. Н. Красникова, Ю. С. Петрова, А. А. Шабанова, И. Е. Яковлева

Дизайн: Ю. С. Петрова

Верстка: Ю. А. Гребнева

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60×90 1/8. Печ. л. 10,25.

Подписано к печати 10.12.2012.

Тираж 1000 экз. Заказ № ____.

СОДЕРЖАНИЕ

Философия права

Мальков Б. Н.

Мировоззренческая культура юриста: понятие, структура, проблемы формирования 3

Теория и история государства и права

Сидорова Е. В.

Ценностный аспект динамики современного права 8

Конституционное и муниципальное право

Воронецкий П. М.

Вопросы правоспособности религиозной группы 12

Гражданское право и гражданский процесс, предпринимательское право

Агапов С. В.

Особенности семейной правоспособности 17

Гуков Р. В.

О необходимости повышения минимального размера уставного капитала в обществах с ограниченной ответственностью 22

Уголовное, уголовно-процессуальное право, криминология и криминалистика

Абдулмуслимов М. А.

Опыт борьбы с рейдерскими захватами корпораций в Соединенных Штатах Америки 27

Абрамов В. Г.

Теоретическая концепция экологического правонарушения (понятие и основные положения) . . . 31

Борсученко С. А.

Социальная адаптация осужденных
и меры по ее обеспечению:
международные рекомендации 35

Гехова Д. Х.

История кассационного производства
в российском уголовном процессе 39

Кондрат И. Н.

Рассмотрение жалоб прокурором
и руководителем следственного органа в порядке
статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации: проблемы
законодательного регулирования
и правоприменительной практики
досудебного производства
по уголовным делам 45

Маркарян В. Г.

Сравнительный анализ законодательства
в области борьбы с интернет-мошенничеством
в зарубежных странах и России 52

Огурцов С. А.

Дискуссионные вопросы так называемой
возрастной невменяемости 56

Сидоренко Э. Л.

Системные свойства
диспозитивного режима
уголовно-правового регулирования . . . 61

Финансовое и налоговое право

Мерзлякова А. С.

Резервы компенсационных выплат
как публичные денежные фонды 66

Исполнительное право

Астапова Т. Ю.

Об исключительных правах
в исполнительном производстве 69

Персоналии

К юбилею трудовой деятельности
Владимира Львовича Гейхмана 73

Сокращения, принятые в издании 76

Наши авторы 77

Вышли из печати 79

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям,
направляемым в редакцию журнала
«Вестник Российской правовой
академии» 80

Мировоззренческая культура юриста: понятие, структура, проблемы формирования

World Outlook Culture Lawyer: Concept, Structure and Problems of Formation

В статье рассматриваются понятие мировоззренческой культуры юриста, ее структура и содержание. Анализируются альтернативные подходы в области мировоззрения в постперестройочной России. Предложено системное представление о мировоззренческой культуре юриста на следующих уровнях: общий мировоззренческий подход; философско-социологическая позиция; социокультурный идеал; научно-теоретическое обоснование права. Показана необходимость формирования творческой личности юриста.

Мировоззрение; культура; юрист; реализм; рационализм; социально-правовая гармония; философия права; творческая личность юриста

The article considers the concept of world culture lawyer, its structure and content. Analyses alternative approaches in the field of vision in the post-perestroika Russia. Proposed systemic presentation of the world-view of the culture of a lawyer at the following levels: general philosophical approach; philosophical and sociological position; cultural ideal; theoretical rationale for the law. The necessity of formation of the creative personality of the lawyer.

Worldview; culture; a lawyer; a realism; rationalism; social and legal harmony; the philosophy of law; creative personality of the lawyer

Размышления по поводу мировоззренческой культуры юриста адресованы педагогам высших учебных заведений, формирующим духовные качества молодых людей, которым предназначено в недалеком будущем определять профессиональное и нравственное лицо отечественной юриспруденции.

Устремленность на развитие мировоззренческой культуры традиционно свойственна отечественной юридической педагогике. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что «юрист в России — больше, чем юрист», необходимыми чертами его профессиональной деятельности считаются широта эрудиции и служение идеалам общественной справедливости. Так,

А. Ф. Кони постоянно подчеркивал важнейшую роль «миросозерцания» юриста и вспоминал, как из общения с В. Д. Спасовичем он вынес «поучительный и радостный» пример широкой философской, социальной, естественно-научной эрудиции и строго нравственного отношения к деятельности юриста [1].

Понятие мировоззренческой культуры юриста охватывает совокупность «смысложизненных» знаний, ценностей, убеждений, активно проявляющихся в его профессиональной деятельности. В ней переплетаются элементы общекультурного, национального, социального, личностного характера. В сознании юриста находят отражение сложившиеся в обществе обыденные, мифологические,

религиозные, нравственные, философские и другие установки, оказывающие воздействие на функционирование и развитие правовой системы. Профессионально ориентированное «ядро» мировоззренческой культуры юриста нередко отображается понятием «юридическое мировоззрение», подчеркивающим роль права и правовых ценностей для человека и общества [2].

Мировоззренческие представления, как правило, не имеют жестко определенных границ, они историчны, изменчивы, отображают тенденции развития правовой системы общества. Роль «профессионально-мировоззренческого ориентира» юридических кадров играют основополагающие установки Конституции [3]. Так, Н. В. Витрук характеризовал понятие конституционализма предельно широко: как научную правовую теорию, нормативно-правовую систему, практику реализации конституционного права, правовое мировоззрение, проявление профессионального правосознания юристов, правовую культуру должностных лиц и всего населения [4].

Наряду с общекультурными, социальными, профессиональными знаниями и ценностями в структуре мировоззренческой культуры юриста следует подчеркнуть индивидуально-личностные элементы. Прежде всего это нравственно-эмоциональное отношение к действующим в обществе идеалам и их правовым проявлениям и волевая установка личности — активность жизненной позиции, готовность отстаивать и реализовывать свои убеждения в профессиональной деятельности.

Не секрет, что глубокие социально-экономические и духовные преобразования оказались сопряжены с острыми кризисными явлениями в правосознании нашего общества. Речь идет не только о типичных для правовой культуры, «классических», постоянно возобновляющихся противоречиях между законным и справедливым, правовым и политически целесообразным и пр. Трудности в области формирования мировоззрения в значительной степени вызываются «размыванием» самого идеала справедливости у значительной части населения, распространением коррупции, правового нигилизма, потерей доверия к государственно-правовой системе в целом. Под угрозой оказываются традиционные ценности российского общества.

Сказываются низкая политическая культура деятельности государственных структур, СМИ, неразвитость гражданского общества. Нельзя не согласиться с тревожными оценками состояния правовой культуры, выраженными в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ

28.04.2011 № Пр-1168 [5], и требованиями совершенствования системы юридического образования и подготовки квалифицированных юристов и педагогических кадров в области права.

Вузы призваны заложить фундаментальные основы мировоззрения студентов, базовые идеи, утверждение и развитие которых в дальнейшем будет зависеть от способностей молодого специалиста, его социальной активности, верности традициям отечественной юриспруденции. В связи с этим педагогам целесообразно периодически обмениваться мнениями по вопросу о структуре, содержании базовых мировоззренческих установок, формируемых в процессе обучения с учетом новых явлений общественной жизни.

Характерная особенность современного периода заключается в том, что общество прощается с господством социалистического мировоззрения, его представлениями и ценностями. Кстати, социальный оптимизм «доперестроечного» мировоззрения, хотя и не всегда подкреплявшийся общественной практикой, делает «прощание» с ним тягостным для некоторых представителей старшего поколения.

Какие мировоззренческие ценности предлагает молодежи постсоветский период? Прежде всего очевидно отсутствие какой-либо общепринятой позиции; можно сказать, сложился ряд *альтернативных подходов*, тенденций мировоззренческого характера.

Во-первых, существует тенденция к сохранению социалистической ориентации мировоззрения у старшего поколения и распространению ее в сознание молодежи. Однако сегодня очевидны теоретическая несостоятельность и практическая невозможность культивирования духовного мира молодежи по социалистическому образцу. Разумеется, речь не идет об абсолютном отказе от всех ценностей поколения «советских людей», в особенности идей патриотизма, дружбы между народами и пр.

Во-вторых, говорят о «плюрализме» ценностей и мнений, что внешне подчеркивает духовную свободу личности. Но плюрализм — всего лишь демократическая форма общественного мировоззрения, не связанная с конкретным идеалом. Профессиональное мировоззрение юриста должно быть ориентировано не на расплывчатый плюрализм, а на ценности, представленные в Конституции, пропаганда положений которой является действенным средством воспитания юридических кадров.

В-третьих, проявляются элементы ностальгии по досоциалистическому прошлому. Однако лозунг «Православие, самодержавие, народность», распространенный в свое время, отбро-

шен обществом вместе с идеологией ушедшего в прошлое религиозного авторитаризма.

В-четвертых, некоторые обществоведы делают ставку на «европейскую» модель мировоззрения, внешне провозглашающую лозунги прав и свобод человека, но на деле использующую их как ширму политики духовной экспансии. Подобное мировоззрению, как правило, критикуется молодыми юристами, не желающими слепо копировать иностранные образцы.

В-пятых, предпринимаются попытки заполнить «мировоззренческий вакуум» гипертрофированным патриотизмом, идеологией национализма и шовинизма. Губительность подобных идей для огромной многонациональной, поликонфессиональной страны осознается основной массой студенческой аудитории.

В названных подходах нетрудно найти рациональные зерна, однако ни каждый из них в отдельности, ни все они вместе взятые не соответствуют сущности и нравственности, изначально свойственной профессиональному и общественному долгу юриста, а также особенностям эволюции российского общества. Эклектический набор мировоззренческих установок постсоветского периода нередко сопровождается упаднической психологией «побежденной нации», социальным пессимизмом, правововым нигилизмом, потерей благородно-личностных, общечеловеческих, патриотических ценностей. По выражению А. Н. Бердяева, в условиях краха идей религии и коммунизма в сознании русских людей «никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни как служения сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах» [6].

Какая общественная идея может составить достойную основу мировоззренческих усилий педагогической и научной общественности? Еще древние мыслители подчеркивали, что право есть необходимая форма бытия человека, оно призвано служить каждому члену общества, определяя и гарантируя ему реально допустимый уровень социальной свободы, ограничивая его только свободой других людей и общественной целесообразностью. Наряду с «благом для человека» право обеспечивает и «благо для общества» — его стабильность, порядок, безопасность. Наконец, право нацелено на согласование личных и государственных интересов и обязанностей, что называется справедливостью или общим благом.

Таким образом, можно утверждать, что современным потребностям социального развития, а также имманентному смыслу и предназначению юридической профессии в наибольшей степени соответствует идеал *общественно-правовой*

гармонии. Данный идеал нацеливает мировоззрение каждого члена общества на согласование системы ценностей: общекультурных, национальных, партикулярных, личностных. Традиционно стремление к гармонии связывается с идеей общественного договора. Ж.-Ж. Руссо писал: «Найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше, вот основная проблема, которую разрешает общественный договор» [7].

Несколько слов о структуре мировоззренческой установки юриста. В аспекте рассматриваемой проблемы целесообразно выделить следующие уровни:

- общий мировоззренческий подход;
- философско-социологическая позиция;
- социокультурный идеал;
- научно-теоретическое обоснование права.

История и современность демонстрируют различные формы мировоззрения, к которым относятся обыденные представления, мифологию, религию, философию, искусство, науку и др. Взаимодействуя друг с другом, в совокупности они формируют многогранную картину человеческого постижения бытия, частью которой выступает правовая картина мира [8].

Мировоззрение, соответствующее принципу общественно-правовой гармонии, носит *светский* характер. Но оно не занимает воинствующей антирелигиозной позиции, способно учитывать проявления религиозного правосознания, вступать в конструктивный диалог. Будучи светским, внутреннее убеждение юриста должно предполагать уважение прав и законных интересов людей независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств, неприятие любых форм религиозного, национального, социального экстремизма.

Правовая деятельность в своей истории опиралась на различные *типы философствования* — от космоцентризма древних мыслителей до современных изощренных позитивистских схем. То обстоятельство, что в каждой из философских систем находят проявление объективно существующие и взаимосвязанные стороны права, служит основой интеграционных процессов в области философско-правового мировоззрения.

Представляется, что интегративная тенденция в современном правосознании может быть плодотворно сформирована на базе *рационалистического реализма* с привлечением идей синергетики, герменевтики, феноменологии, органично

связанных с научным познанием. Для юристов последнее принципиально важно, поскольку именно наука выступает основной формой рефлексии практической правовой деятельности и источником ее эволюции.

В области социальной философии на ведущее место в мировоззрении юриста выдвигается установка *гуманистического рационализма*, органично связывающего гуманизм «духа» права и рациональность его «буквы». Базовое положение Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2) — может служить примером соединения научности и гуманистического идеала.

А. Ф. Кони, обращаясь к студентам, особо подчеркивал единство научности и гуманизма в юридической профессии. Он говорил: «Студент обязан выносить из университета не один багаж систематизированных сведений, но и нравственные заветы, которые почерпаются в источнике добра, правды и серьезного знания, называемом наукою... Наука о праве в своих обширных разветвлениях везде говорит о началах справедливости и уважения к достоинству человека» [9].

Рационально-гуманистический подход предполагает гармонию человека и общества, органично соединяет идеал правовой личности с представлениями о правовом гражданском обществе и правовом государстве. Что касается конкретных общественных проявлений рационально-гуманистического мировоззрения, то они зависят от понимания специфики современного этапа *цивилизационной и культурной эволюции* российского общества.

В плане конкретно-исторического социального наполнения идеала общественно-правовой гармонии целесообразно обратиться к опубликованным в январе — феврале 2012 г. статьям В. В. Путина, теоретическая фундаментальность и стратегическая практическая ценность которых далеко выходят за рамки предвыборной президентской кампании.

К мировоззренчески значимым выводам из содержания этих публикаций, на наш взгляд, целесообразно отнести следующие.

В общецивилизационном масштабе предлагается исходить из того, что человечество живет в эпоху *образовательной революции*, когда на первый план выходит творческая энергия молодежи. Российская молодежь, получившая современное образование, ищет применение своей энергии, талантам, стремится к самореализации на благо себе и своей стране.

Охарактеризована стадия социальной эволюции нашей страны. «Период восстановления пройден, — подчеркивает В. В. Путин. — Постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан. Созданы все предпосылки для движения вперед — на новой базе и в новом качестве» [10]. В вопросе о национальном самоопределении предложена формула *«полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»* [11]. Определен идеал экономики: конкурентоспособность, создание новых высокооплачиваемых рабочих мест для новых поколений, «выпускников» образовательной революции [12]. В политике это прямой диалог между государством и обществом, постоянно действующая демократия повседневного народовластия [13]. В социальной сфере — установление *идеи справедливости*, предполагающей «социальные лифты» для самореализации поколения «образовательной революции» [14]. Внешние и внутренние условия решения этих задач — стабильность международной обстановки и поддержание обороноспособности Российского государства [15].

Решение выдвинутых задач возможно только на *демократической правовой базе*, объединяемой идеей социально-правовой гармонии. Планируется ужесточение борьбы с такими явлениями, как сепаратизм, клановость, олигархизм, анархизм, грязные политехнологии, коррупция. Предполагается развитие структур гражданского общества, непосредственной народной демократии, прозрачности работы госаппарата. Двигателем развития должна служить инициатива свободных граждан: «Рост России в предстоящем десятилетии — это расширение пространства свободы для каждого из нас» [16].

Не менее важное значение имеет *теоретико-правовой* уровень мировоззрения юриста. Усилиями общеправовых дисциплин, прежде всего теории государства и права, идеалы гарантии и защиты прав человека и гражданина, правовых форм гражданского общества, принципов и норм правового государства, правовой гармонии общества наполняются юридическим содержанием. Общеюридические установки обретают конкретные формы благодаря содержанию отраслевых и специальных правовых дисциплин [17].

Существенная роль в формировании целостности мировоззренческой культуры юридических кадров принадлежит *философии права*, в частности, благодаря разработке системы категорий, соединяющих в себе мировоззренческий, теоретический и практический смысл. К *системообразующим категориям правового мировоззрения* можно отнести такие понятия, как право, сво-

бода, справедливость, социальная норма, закон (нормативный правовой акт), правопорядок, общее благо, правовая деятельность.

Данные категории, понимаемые в духе социально-правовой гармонии, систематизируют представления о гуманистической природе юридической профессии. Базовую роль играет понимание права, которое на эмпирическом уровне предстает как совокупность социальных норм, поддерживаемых государством, а в широком социально-философском плане может трактоваться как рефлексивная нормативно-властная форма социального бытия человека.

«Образовательный» подход предполагает, что в системе современного образования на первый план выходит развитие *творчески мыслящей*

личности, способной самостоятельно анализировать явления социальной реальности и делать мировоззренческие выводы. Ориентации мировоззрения обучаемых на активное, творческое овладение профессией юриста способствует деятельностная трактовка права [18].

О новых поколениях творчески мыслящих юристов мечтал А. Ф. Кони: «Провидение ведет нашу Родину дорогою тяжелых испытаний, но пути к проявлению сил и способностей понемногу все-таки расширяются. Поэтому должны, не могут не явиться новые их носители. Они были, и хочется думать, что... будут!» [19]. Достижению этой благородной цели призваны способствовать усилия педагогической общественности по совершенствованию мировоззренческой культуры юридических кадров.

-
1. См.: Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1980. С. 423–424.
 2. См., напр.: Паластрова Г. В. Юридическое мировоззрение: историко-правовые и аксиологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.
 3. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
 4. См.: Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сб. докладов. М., 1999. С. 96–105.
 5. См.: РФ. 2011. 14 июля.
 6. Бердяев А. Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 139.
 7. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Философия от античности до современности. М., 2004. (Электронная библиотека). 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: <...>. Загл. с этикетки диска. С. 14890.
 8. См., напр.: Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996.
 9. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 257–258.
 10. Путин В. В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв.
 11. Его же. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
 12. См.: Его же. О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. 30 янв.
 13. См.: Его же. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.
 14. См.: Его же. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.
 15. См.: Его же. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // РФ. 2012. 20 февр.; Его же. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр.
 16. Его же. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить.
 17. См., напр.: Рассолов М. М. Теория государства и права. М., 2010.
 18. См.: Мальков Б. Н. Философия права. М., 2011.
 19. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 447.

Ценностный аспект динамики современного права**Valuable Aspect of Dynamics of the Modern Right**

Исследование процессов развития, изменения права с точки зрения ценностного аспекта актуализирует роль ценностей в процессе развития права. Автор раскрывает различные стороны проявления правовых ценностей в динамике правовых процессов.

Динамика права; правовые ценности; современное право; целеполагание; развитие права

Research of developments, right changes from the point of view of valuable aspect, staticizes a role of values in right development. The author opens the various parties of manifestation of legal values in dynamics of legal processes.

Dynamics of the right; legal values; modern right; goal-setting; right development

Право, являясь отражением происходящих в обществе процессов, соответствует духу и характеру современной эпохи. Оно вбирает в себя все то, что накопила правовая действительность, проявляясь в повседневной реальности в правовых отношениях, юридической практике, правовом поведении.

Динамика права по своему содержанию показывает количество и интенсивность изменений структурных элементов права и их связей в течение определенного периода времени под воздействием большого количества факторов. Данный процесс имеет различные стороны, каждая из которых так или иначе связана с природой права и отражает качественные преобразования, происходящие в праве в силу наличия именно этих компонентов. Природа права неизменна, но именно в ней заложены основные векторы или направления действия права, что, как следствие, задает ему

динамические импульсы. Именно нормативный, ценностный и силовой аспекты позволяют раскрыть качественные изменения, происходящие в праве под влиянием тех или иных факторов. При этом ценностный аспект чаще всего остается в тени существующих процессов, хотя интенции, заложенные в нем, так или иначе предопределяют содержательные стороны динамики права.

Когда мы говорим о развитии права, мы рассматриваем процесс качественного изменения права как института социальной организации. Движущие силы, импульсы развития права заложены в самой культуре, в самом праве. Как верно отмечал отечественный правовед профессор Г. К. Гинс: «Сам правопорядок предопределяет во многом свое дальнейшее развитие, так как в самом праве есть внутренние силы, определяющие его развитие» [1]. Такими силами наряду с идеями, принципами, потребностями и интересами в правовой

организации жизнедеятельности выступают ценности. Они определяют векторы развития права, в целом опосредуя содержание фактически всех правовых процессов. В ценностях заложены наиболее оптимальные, значимые, соответствующие принципам организации общественной жизнедеятельности ориентиры, служащие направлением правового общения субъектов права.

Развитие права подчинено закону «культурного отбора» или «культурного приспособления». В процессе взаимодействия людей происходит выбор лучшего, оптимального для данной социальной группы. «Господствующий в развитии права закон “культурного отбора” вызывает приспособление права к условиям общественной жизни. Существование общественной жизни без права невозможно, и если какое-либо право отвечает интересам отдельного лица, но вредит обществу в целом, оно не может устоять. Рано или поздно против него подымутся силы, которые его снесут. А так как ни состав общества, ни условия его существования не остаются неизменными, то неизбежно видоизменение и права, причем это видоизменение хотя и происходит не без колебаний и зигзагов, но в конечном счете складывается благоприятно для дальнейшего развития общественной жизни» [2]. С одной стороны, в процессе развития права вырабатывается свой собственный ценностный строй, становящийся фундаментом правовой системы; с другой — право ориентируется на общечеловеческие ценности, соотнося нормативы с теми идеалами, которые определяют мотивы и стремления индивидов.

Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств [3]. Ценность есть признанность, определенность в общественной жизни.

Правовые ценности, ретранслируясь в рамках правовой культуры, воспроизводят право. Они являются тем элементом механизма воспроизводства, который в процессе преемственности обеспечивает направленность правового развития, определяет его содержание и не позволяет позитивному праву навязывать противоположные общественному правосознанию ориентиры. Тем самым ценностный аспект динамики права сдерживает влияние на указанный процесс субъективных факторов, балансирует правовые процессы, придавая устойчивость общественной организации в целом.

Сами ценности могут иметь различный характер. Их можно рассматривать с точки зрения

целеполагания, что раскрывает целевую направленность в динамике права. Ценности выступают и в качестве инструментов, функциональная характеристика которых заключается в их интегрирующей роли.

Правовой опыт индивида, окрашенный ценностными представлениями и ориентирами, определяет поведение человека, тем самым транслируя правовые отношения во времени, вопреки как внешним, так и внутренним неблагоприятным факторам. Являясь результатом устойчивого воспроизводства правовых ценностей, правовой опыт аккумулирует исторически развившиеся способности субъектов права, что позволяет рефлексивно оценить меру освоенного и неосвоенного в праве. Цели, идущие вразрез общепринятым представлениям о правильном и должном, остаются по большей части нереализованными в силу преобладания ценностной основы, воспринимаемой как разумное, принятое и признанное.

Ценности выступают как внутренние основания выбора целей и средств деятельности, ранжирования потребностей и возможностей субъекта, остающиеся инвариантными для культуры определенного типа. Соотнесенность с ними определяет желательный, а вместе с тем и необходимый, приемлемый вариант воздействия на общественные отношения.

Каждый социальный институт, в том числе и право, имеет собственные цели, определенные его природой и функциональными особенностями. Цели фактически на протяжении всей истории существования института не меняются. Правовые ценности служат самосохранению, саморазвитию права, стабилизируя и придавая устойчивость этому социальному институту.

Ценностная основа права не дает возможности кардинально изменить цели, определяя заданность права. В случае, если истинные цели подменяются навязанными, происходит не развитие, а изменение, что в целом деформирует социальный институт, в частности право.

Кроме изменения цели, на развитие социальных институтов влияет и другая причина. Если, с одной стороны, всякое действие неизбежно имеет какую-либо цель, то с другой — не всякое действие служит к достижению предложенной или исключительно только предложенной цели [4]. Результатом являются непредвиденные последствия, что имеет место и в правовой действительности. В частности, постоянно воспроизводящееся противоречие между нормой и ценностью есть внутренний фактор развития права. Ценностное содержание выступает активной (содержательной) стороной, нормативная сторона производна, формальна. Когда общественно целесообразна

деятельность становится шаблоном, правилом, тогда норма теряет свою динамику и начинает выполнять консервирующую, репродуктивную, ретранслирующую роль. «А поскольку ценностная сторона права является ситуационной, — отмечает В. П. Малахов, — постольку всегда возникает столкновение между существующими нормами, поскольку в любой из них конкретная ситуация отражена лишь частично, ограниченно» [5].

Мир правовых ценностей — это не статические ориентиры правовой действительности, а живые элементы материи, ставшие и становящиеся частицами правового движения. Правовые ценности представляют собой не застывшие идеалы, не статичные элементы права, раз и навсегда определендившие его содержательные особенности. По мере изменения общественной среды меняются и правовые ценности. Необходимо уточнить, что форма правовых ценностей не меняется, меняется содержательная их окраска и в первую очередь на это воздействует само понимание данного явления. То, что было ценно при одних обстоятельствах, при других теряет свое значение.

Правовые ценности есть наиболее изменчивые элементы среди всех духовных явлений. Г. Д. Гурвич отмечал, что данная особенность им свойственна, поскольку они преобразуются одновременно в следующих направлениях: 1) в рамках изменений ценностного опыта; 2) в рамках изменений опытного восприятия логических идей и их интеллектуальных носителей; 3) в рамках изменений способов взаимосвязи эмоционально-волевого и интеллектуального восприятия; 4) в рамках изменений способов взаимосвязи форм восприятия духовных и нравственных явлений [6]. Очевидно, что содержание большинства правовых ценностей эволюционирует в зависимости от характера происходящих в обществе изменений. Преобразуется общественная жизнь, трансформируется экономический уклад, реформируется политическая система, и правовые ценности наполняются новым содержанием, хотя в целом остаются по форме неизменными. Так, безопасность, будучи правовой ценностью, на современном этапе соотносится со значительным ограничением прав и свобод человека, что воспринимается в целом позитивно, человек адекватно оценивает современные угрозы и соглашается с устанавливаемыми ограничениями.

Несмотря на общие закономерности, проявляющиеся в процессе развития права, фактически условия его применения, социальная среда и исторически сложившееся мировоззрение неодинаковы, а потому и содержание права и само развитие его складываются различно. Содержание способов передачи правового материала, их

специфика предопределяют особенности динамики права того или иного общества. Так, одним из средств, с помощью которого реализуется механизм преемственности в праве, является правовая память. «Память — это одна из форм прошлого, в которой она дана человеку в настоящем, она представляет существенную черту исторического бытия человека» [7]. Память прямо и непосредственно включена в систему современного правового сознания, содержит своего рода систему координат в оценке настоящего и будущего. Прошлое существует в настоящем, проецируется на будущее в качестве положительных и отрицательных образов.

Правовая память содержится прежде всего в аксиосфере права. Правовая память выступает системообразующим элементом правового пространства человека, соединяя в себе основные проявления фактически всех правовых ценностей. Это утверждение можно объяснить следующим образом. Все правовые ценности так или иначе взаимосвязаны. Их смысловое наполнение не может противоречить друг другу в силу особенностей их формирования, действительности. В связи с этим фактически каждая правовая ценность проявляется в другой и оказывается ее дополнением.

Еще одной значимой характеристикой ценностного аспекта динамики права является правовой менталитет. Правовой менталитет определяет вектор развития права, очерчивает грани его развития, показывает зрелость общества и его готовность к развитию и восприятию правовых явлений. Игнорирование при законотворчестве специфики национального менталитета приводит к неэффективности законодательного регулирования общественных отношений, а также засорению права неработающими нормами.

Ментальность народа определяется национальным характером, духовными потребностями, формами хозяйственной жизни, общественным укладом. Она аккумулирует и передает определенные культурные ценности, этнические стереотипы, жизненный опыт, накопленный на протяжении жизни предыдущих поколений, и каждый представитель того или иного этноса испытывает на себе сильное влияние ментальности.

Правовой менталитет — это некая направленность сознания, именно правового, которая играет существенную роль в развитии права. При его помощи определенная группа может выражать свое коллективное мнение по правовым вопросам, согласно своей исторически сложившейся традиции. «Правовой менталитет является духовно-психологической основой положительного права, своего рода культурной парадигмой отражения

юридической деятельности, образует духовную ткань юридического бытия, осуществляет правовую рефлексию, юридическое созерцание» [8]. Правовая ментальность берет на себя функции сохранения появившихся в прошлом правовых ценностей, их самобытности. Следовательно, это предопределяет направленность развития права в определенном и специфическом ключе общественного правового менталитета.

Немаловажный аспект рассматриваемой проблематики — обращение внимания на роль общечеловеческих ценностей. «Поскольку право является только логицизацией моральных ценностей, интенсивность которых оно умеряет путем обобщения и придания их требованиям определенности (позволяя установить корреляцию между обязанностями одних и притязаниями других), оно в большей степени зависит от изменений морали» [9]. Мораль предопределяет основу права, выступает своего рода каркасом, который сохраняет правовую оболочку, не давая ей прорваться и тем самым праву исчезнуть. Моральные основания права, составляющие элемент содержания культурного фактора, придают праву устойчивость, предопределяют его воспроизводимость.

Современное право дискретно, формально. Характер связей между элементами меняется в сторону превалирования нормативного и силового компонентов. В современном мире не ценности опосредуют нормы, а нормы — поведение человека. Субъект правового общения выступает уже не творцом права, а лицом, преодолевающим препятствия, высвобождающимся из-под гнета опеки государственного права. Как верно отмечает современный отечественный философ, юрист В. П. Малахов, это связано с тем, что современные общества практически лишены абсолютных ориентиров, столь важных во всей предшествующей истории обществ самого разного социального и культурного характера. Современное право развивается лишь в своем инструментальном аспекте, что стимулирует его

развитие не в ценностном плане, а как всеобъемлющую систему принуждения и технико-организационного воздействия [10].

Помимо этого на современном этапе развития общества нельзя не учитывать роль глобализации и, как следствие, интеграционные процессы, затрагивающие практически каждую национальную правовую систему. Данный фактор наряду с общностью социальных законов, распространяющихся на процессы правогенеза, правового развития и функционирования права, способствует формированию общих правовых ценностей. Это позволяет сделать вывод о наличии базовых правовых ценностей, выступающих в качестве универсального начала функционирования практически любой современной правовой системы. Такого рода ценностями считаются свобода, безопасность, равенство, прогресс, жизнь и здоровье личности и др.

Исследование процессов развития, изменения права с точки зрения ценностного аспекта актуализирует роль ценностей в процессе развития права, раскрывая различные стороны их проявления в динамике правовых процессов.

Правовые ценности придают праву консервативный характер и способствуют стабилизации происходящих в нем процессов, вызванных воздействием извне, прежде всего воздействием субъективного фактора. Можно считать, что они не являются статичным элементом, остающимся вне процессов, происходящих в правовой действительности. Они, как невидимый рулевой, предопределяют направления развития права, при этом сдерживая воздействие внешних факторов. Следует отметить, что правовые ценности, определяя характер целеполагания в праве, не позволяют вмешиваться субъективному фактору в ход естественных процессов. С другой стороны, их можно считать незаметными импульсами, способствующими проявлению правовой активности, а тем самым существованию права.

1. Гинс Г. К. *Право и культура*. М., 2012. С. 195–196.
2. Там же. С. 190.
3. См.: Парсонс Т. *Система современных обществ* / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М., 1998. С. 18.
4. См.: Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб., 2004. С. 83.
5. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. *Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории* : монография. М., 2011. С. 146.
6. См.: Гурвич Г. Д. *Философия и социология права. Избранные сочинения*. СПб., 2004. С. 604.
7. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. М., 1988. С. 57.
8. Байниязов Р. С. *Правосознание и российский менталитет* // *Правоведение*. 2000. № 2. С. 35–36.
9. Гурвич Г. Д. *Указ. соч.* С. 774–775.
10. См.: Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. *Указ. соч.* С. 170.

Вопросы правоспособности религиозной группы

Questions of Religious Groups' Capacity

Статья посвящена проблемам правоспособности религиозных групп. Критикуется действующий Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Автор отмечает проблемы, не позволяющие в полной мере гарантировать реализацию свободы вероисповедания в коллективе и усложняющие порядок создания религиозных объединений.

Религиозное объединение; религиозная группа; правоспособность лица; свобода вероисповедания

The article is dedicated to problems of capacity of religious groups. Federal Law from 26/09/1997 № 125-ФЗ "About freedom of worship and religious associations" is criticized. The autor marks problems that don't let to guarantee total realization of freedom of worship in collective and make difficulties in religious unions' founding.

Religious association; religious group; person's capacity; freedom of worship

В ст. 28 Конституции [1] каждому гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания. Свобода вероисповедания в России реализуется либо индивидуально, либо коллективно — в рамках религиозных объединений, правовой статус которых урегулирован Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2] (далее — Закон о свободе совести).

Данные объединения делятся на религиозные организации и религиозные группы. Согласно ст. 8 Закона о свободе совести религиозная организация — это добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном Федеральным законом от 08.08.2001

№ 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3] порядке зарегистрированное в качестве юридического лица. Следовательно, религиозная организация, будучи юридическим лицом, обладает гражданской, гражданско-процессуальной и административной правоспособностью, что позволяет ей не только заниматься распространением веры, но также участвовать в гражданском обороте, защищать свои интересы в суде и нести административную ответственность, а государство способно контролировать ее деятельность.

Согласно ст. 7 Закона о свободе совести религиозная группа представляет собой добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности

юридического лица. Соответственно, религиозная группа — это не юридическое лицо, а некий коллективный субъект, обладающий рядом прав и обязанностей, предусмотренных в Законе о свободе совести, и права, которыми наделена религиозная группа, по своему объему несоизмеримо меньше, чем права религиозной организации. В литературе отсутствует единство мнений по поводу того, является ли религиозная группа самостоятельным субъектом права [4]. Однако религиозные группы имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Таким образом, религиозная группа обладает пусть и незначительной, но конституционной правоспособностью, однако достаточно ли этого для эффективной реализации ее целей?

В последнее время проблемы статуса религиозных групп становятся крайне актуальными, если судить по практике ЕСПЧ [5]. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть вопрос о наличии или отсутствии административной, гражданско-процессуальной и гражданской правоспособности религиозной группы.

Пункт 2 ст. 7 Закона о свободе совести предусматривает, что граждане, образовавшие религиозную группу с намерением в дальнейшем преобразовать ее в религиозную организацию, уведомляют о ее создании и начале деятельности органы местного самоуправления. Весьма затруднительно определить момент создания религиозной группы ввиду отсутствия факта регистрации, отсутствия устава и многих других обстоятельств [6]. Это влечет неопределенность, а вместе с ней — возможность нарушения прав человека. В литературе высказывается предложение закрепить за единым федеральным органом исполнительной власти и его соответствующими региональными структурами полномочия по учету уведомлений о создании религиозных групп и дальнейшему контролю за их деятельностью [7].

Государство устанавливает ряд карательных мер по отношению к религиозной группе. Пункт 2 ст. 14 Закона о свободе совести содержит основания для запрета на ее деятельность. Точнее, Закон о свободе совести регулирует основания и порядок ликвидации и запрета деятельности религиозной организации, а в п. 6 ст. 14 указано, что тот же порядок применяется в отношении запрета деятельности религиозной группы. Статья 10 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8] регулирует вопросы приостановления деятельности религиозных объединений. Но представляется, что эти меры неэффективны, и в ли-

тературе абсолютно справедливо высказывается мнение о том, что практически невозможно запретить то, чего юридически не существует [9]. Случаи запрета религиозных групп неоднократно имели место в судебной практике (см. определение Верховного Суда РФ от 22.03.2011 по делу № 65-Г11-2 [10]), но группы, несмотря на запрет, продолжали существовать. В данных случаях по отношению к группам меры административной ответственности не применялись и не могли быть применены, поскольку группа, не являясь лицом, не может быть субъектом административного правонарушения в соответствии с гл. 2 КоАП [11].

В итоге необходимо сделать вывод, что *религиозные группы не обладают административной правоспособностью.*

Гражданско-процессуальной правоспособности религиозных групп также не существует, поскольку они не упоминаются в ст. 36 ГПК [12] и ст. 43 АПК [13] среди лиц, имеющих право на судебную защиту. В суде свободу вероисповедания защищают граждане, состоящие в группе. Исключением здесь является наличие у группы конституционно-процессуальной правоспособности. Подтверждением тому служит положение ст. 96 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [14], гласящее, что правом на обращение в Конституционный Суд РФ с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, а также объединения граждан.

Наконец, требуется исследовать вопрос о наличии или отсутствии гражданской правоспособности религиозных групп. В п. 1 ст. 7 Закона о свободе совести говорится, что помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы ее участниками. Это естественно, учитывая, что субъектами права собственности могут быть только лица — физические или юридические, а эти группы не являются ни теми, ни другими. Следовательно, можно сделать вывод, что *у религиозных групп отсутствует гражданская правоспособность.*

В связи с этим возникает важный вопрос: возможно ли совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей без материальной базы? Невозможно, поскольку реализация коллективной свободы вероисповедания связана как минимум с правом частной собственности (включая собственность на землю), а также во многих

случаях — с правом на осуществление предпринимательской деятельности, правом учреждать СМИ, правом проведения публичных мероприятий, правом на объединение, правом на образование, правом на доступ к культурным ценностям. Весь этот комплекс прав и свобод законодатель упустил из виду. Без реализации последних едва ли будет реализована коллективная свобода вероисповедания.

Следует рассмотреть предложенные в Законе о свободе совести варианты разрешения данной ситуации в настоящее время:

1. Всю ответственность по гражданско-правовым обязательствам могут брать на себя одно или несколько **физических лиц**, состоящих в группе. Они заключают договоры, рискуют своим имуществом, защищают свои права и права других членов группы в государственных органах, несут административную ответственность в целях коллективной свободы вероисповедания.

2. Чтобы все участники группы могли нести ответственность, существует возможность заключить договор **простого товарищества** без образования юридического лица. Главой 55 ГК [15] и, в частности, п. 1 ст. 1041 предусмотрено следующее: «По договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для достижения не противоречащей закону цели».

Но представляется, что в случае заключения данного договора членами религиозной группы может возникнуть еще больше трудностей:

- во-первых, нельзя принудить кого-то к заключению договора под страхом исключения из религиозной группы;

- во-вторых, каждый товарищ отвечает по общим договорным обязательствам всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада в общее дело, и, напротив, члены религиозных организаций не отвечают по обязательствам религиозных организаций;

- в-третьих, любой товарищ в случае расторжения бессрочного договора простого товарищества вправе выйти из него и забрать вещи, которые ранее были переданы в общее владение и (или) пользование, т. е. расторжение данного договора едва ли может повлечь исключение члена из религиозной группы, однако может сказаться на материальной основе деятельности группы.

Следовательно, заключение договора простого товарищества применительно к деятельности религиозной группы не является оптимальным решением проблемы.

Необходимо согласиться с мнением о том, что на сегодняшний день устойчивость и целостность религиозных групп поддерживается только инициативой входящих в нее участников [16]. Учитывая вышеупомянутые недостатки правоспособности религиозной группы и достоинства религиозной организации как юридического лица, напрашивается вывод о том, что гражданам целесообразно создавать не религиозные группы, а религиозные организации, чтобы было удобнее участвовать в гражданском обороте и эффективнее защищать свои права в суде.

Но если говорить о создании религиозных организаций, то нужно отметить определенные трудности в этой сфере, начиная с 29 сентября 1997 г. — с момента вступления в силу Закона о свободе совести [17]. Закон РСФСР № 267-1 от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» [18], предшествовавший Закону о свободе совести, не предусматривал каких-либо препятствий в создании и регистрации религиозных организаций. Сейчас же п. 1 ст. 9 Закона о свободе совести предусматривает, что учредителями местной религиозной организации могут быть не менее десяти граждан Российской Федерации, объединенных в религиозную группу, у которой имеется подтверждение ее существования на данной территории на протяжении не менее **15 лет**, выданное органами местного самоуправления, или подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией.

В литературе высказывается мнение, что вышеуказанный срок необходим для предотвращения появления квазирелигий и регистрации сект [19]. Но представляется, что для борьбы с квазирелигиями существует религиозоведческая экспертиза (см. приказ Минюста России от 25.02.2009 № 13430 «О государственной религиозоведческой экспертизе» [20]), а с сектами — деятельность правоохранительных органов. Обе причины никак не связаны со сроками, тем более такими продолжительными.

Необходимо согласиться с мнением некоторых авторов о том, что подобный срок не только нецелесообразен, но и противоречит как международным обязательствам (см. заключение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О проверке соответствия Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” международно-правовым обязательствам Российской Федерации» [21]), так и ч. 3 ст. 55 Конституции, где говорится, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той

мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако вышеуказанный срок не просто элемент регулирования, а существенное ограничение прав и свобод человека [22], и не только свободы вероисповедания, но и права на объединение. Профсоюзы, органы общественной самодеятельности, иные общественные объединения, не являющиеся юридическими лицами, вправе свободно регистрироваться в качестве юридических лиц без подобных ограничений (см. Федеральный закон от 12.01.1996 №10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [23]).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что возможные ограничения затрагиваемых конституционных прав граждан в силу ч. 3 ст. 55 Конституции допустимы только при условии, что они обоснованы, преследуют конституционно значимые цели и соразмерны им (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2012 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Е. Н. Эрлих» [24]). В случае с 15-летним сроком существования религиозной группы не наблюдается ни обоснованности, ни соразмерности. Также неясна цель подобного ограничения.

Можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день религиозные группы, во-первых, практически бесправны, а во-вторых, неподконтрольны государству [25], т. е. деятельность религиозной группы в настоящее время может быть проблемной не только для участников (в сфере реализации свободы вероисповедания), но и для государства (в сфере контроля за ее деятельностью) [26]. В связи с этим федеральному законодателю предлагается несколько вариантов оптимизации правового регулирования статуса религиозных объединений:

1) наделить религиозные группы некоторыми правами юридического лица, предоставив право заключать договоры и право на судебную защиту. Можно предложить более облегченный порядок регистрации для них. При этом также важно расширить их конституционную правоспособность, например, разрешить печатать литературу и содержать места богослужений, т. е. сблизить религиозную группу по статусу с религиозной организацией. Подобное сближение в итоге непременно приведет к стиранию границы между группой и организацией и созданию единого коллективно-го образования — религиозного объединения;

2) в качестве альтернативного варианта предлагается полностью вывести религиозные группы из правового регулирования (ибо, как уже было сказано выше, практически невозможно контролировать их создание и деятельность) и разрешить гражданам объединяться и создавать религиозные организации без ожидания 15-летнего срока, но при условии прохождения обязательной религиозно-экспертной экспертизы, а также исследования государственными органами вероучения и методов деятельности будущей организации в целях профилактики проявления экстремизма. Подобные законопроекты уже предлагались ранее [27]. Религиозная группа на практике, конечно, может остаться, ибо запрещать ее создание означало бы несоразмерно ограничивать свободу вероисповедания в коллективе, однако попытки правового регулирования ее статуса в настоящее время практически бесполезны ввиду отсутствия у нее гражданской, гражданско-процессуальной и административной правоспособности.

Принятие законодателем мер в сфере упорядочения статуса религиозной группы чрезвычайно важно. Наличия у этих групп конституционной и конституционно-процессуальной правоспособности недостаточно. Для того чтобы группа функционировала оптимально, следует наделить ее также гражданской правоспособностью, именно она станет основой юридической деятельности группы. Гражданско-процессуальная правоспособность позволит быть истцом и ответчиком в суде. Административная правоспособность необходима в первую очередь самому государству, она позволит контролировать группу.

Упорядочение статуса религиозной группы и (или) разрешение более свободной регистрации религиозной организации будет гарантировать баланс конституционно-правовых ценностей: с одной стороны, к этим ценностям относятся комплекс прав и свобод человека и гражданина, среди которых нужно выделить свободу вероисповедания, право на объединение, свободу проведения публичных мероприятий, свободу экономической деятельности, право на доступ к культурным ценностям, свободу СМИ, право на образование, право на судебную защиту и иные права и свободы; с другой — необходимо защищать иные конституционные ценности, к которым относятся интересы общества и государства, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции.

Сдерживание конституционного баланса вышеуказанных ценностей позволит оптимально гарантировать реализацию свободы вероисповедания.

1. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. См.: СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
3. См.: РГ. 2001. 10 авг.
4. См.: Иванов В. И., Харитонов Ю. С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. 2012. № 3. С. 27–33.
5. См.: Султанов А. Р. Еще один урок Европейского суда по правам человека по защите свободы совести // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 40–43.
6. См.: Шахов М. О. Религиозные группы и государство // Центр религиоведческих исследований «РелигиоПолис»: сайт. URL: <http://www.religiopolis.org/publications/609-religioznye-gruppy-i-gosudarstvo.html> (дата обращения: 20.11.2012).
7. См.: Агафонова А. А. Общие подходы к правовому регулированию института религиозных объединений России в свете опыта зарубежных стран // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 22–29.
8. См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
9. См.: Шабалина С. С. Проблемы осуществления контроля за деятельностью религиозных объединений // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13. С. 14–15.
10. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
11. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
12. См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
13. См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
14. См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
15. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
16. См.: Кирилловых А. А. Собственность религиозных организаций // Законодательство и экономика. 2012. № 1. С. 50–63.
17. См.: Пчелинцев А. В. Физические лица как субъекты права на создание религиозного объединения // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 8–11.
18. См.: ВСНД и ВС РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.
19. См.: Губин М. Ю. Незаконные и традиционные религиозные объединения по законодательству Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 76.
20. См.: РГ. 2009. 13 марта.
21. См.: Там же. 1999. 22 апр.
22. См.: Придворов Н. А., Тихонова Е. В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в современной России. М., 2007. С. 70.
23. См.: СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
24. См.: Там же. 2012. № 19. Ст. 2519.
25. См.: Шахов М. О. Религиозные группы и миссионерство: поправки Минюста РФ к Закону о свободе совести // Самарское староверие : сайт. URL: http://samstar.ucoz.ru/news/moshakhov_religioznye_gruppy_i_missionerstvo_popravki_minjusta_rf_k_zakonu_o_svbode_sovesti/2009-10-26-2777 (дата обращения: 20.11.2012).
26. См.: Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал рос. права. 2008. № 6. С. 3–10.
27. См.: Петюкова О. Н. Государственная регистрация религиозных организаций в Российской Федерации : науч.-практ. коммент. М., 2007. С. 42.

Особенности семейной правоспособности

Features of Family Legal Capacity

В данной статье раскрываются особенности семейной правоспособности, ее признаки, основания возникновения и прекращения, а также приводится сравнительный анализ семейной и гражданской правоспособности.

Семейное право; семейная правоспособность; признаки правоспособности; основания возникновения и прекращения правоспособности; брачная правоспособность; объем и содержание правоспособности

Current article considers features of family legal capacity, its signs, bases of its origin and suspense as well as family and civil legal capacity are analyzed.

Family law; family legal capacity; signs of legal capacity; bases of origin and suspense of legal capacity; marriage legal capacity; volume and content of legal capacity

Под правоспособностью как таковой подразумевается юридическая возможность в принципе иметь какие-либо права и какие-либо обязанности. В отличие от ГК [1] в семейном праве нет легального определения семейной правоспособности, поэтому данное понятие выводится доктринально по аналогии с понятием гражданской правоспособности, предусмотренным п. 1 ст. 17 ГК. Такая возможность правового регулирования предусмотрена ст. 4 СК [2], где указано, что к правоотношениям, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

Следовательно, семейная правоспособность — это юридическая возможность иметь семейные личные неимущественные и имущественные права и обязанности, предусмотренные как семейным правом, так и иными отраслями права.

В этом, пожалуй, проявляется первое отличие семейной правоспособности от гражданской, поскольку ряд семейных прав и обязанностей в общем виде закреплен в нормативных актах иной отраслевой направленности.

Так, право ребенка на защиту (ст. 56 СК) есть частный случай, предусмотренный ч. 2 ст. 45 Конституции [3]: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Право ребенка на имя, отчество и фамилию (ст. 58 СК) есть частный случай права на имя как одного из нематериальных благ и объектов правового регулирования гражданского права (п. 3 ст. 19, п. 1 ст. 150 ГК). В данных примерах ребенок выступает как субъект семейного права, являясь одновременно физическим лицом и субъектом гражданского права, а также человеком и гражданином Российской Федерации в качестве субъекта конституционного права.

Как справедливо отмечает Л. М. Пчелинцева, некоторые личные права «подобного рода начинают выступать также в качестве субъективных семейных прав... а потому обеспечиваются защитой семейного законодательства» [4].

Согласно ч. 4. ст. 43 Конституции основное общее образование является обязательным. В СК реализация этой обязанности возложена на родителей или лиц, их заменяющих (ст. 63, 137, 148, 153.1, 155.3). Родители обязаны обеспечить получение детьми основного общего образования (девять классов) и создать условия для получения ими среднего (полного) общего образования (11 классов).

Конституционная обязанность трудоспособных детей, достигших 18 лет, в части заботы о нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38 Конституции) трансформировалась в семейном праве в алиментное правоотношение родителей и детей (ст. 87 СК).

Анализ понятия правоспособности позволяет выявить ряд юридических признаков и определить его специфику в семейном праве:

1. Неотчуждаемость. Данный признак реализуется в том, что ни государственный орган в рамках своей компетенции (суд, прокуратура, орган внутренних дел, орган опеки и попечительства и т. д.), ни сам субъект семейного права не могут лишиться правоспособности. В ч. 2 ст. 17 Конституции провозглашено, что основные права и свободы человека неотчуждаемы, а ст. 22 ГК прямо указывает на ничтожность сделок с таким условием.

2. Равенство. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ч. 2 ст. 19 Конституции). Согласно п. 4 ст. 1 СК запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (ч. 3 ст. 19 Конституции).

Семейная правоспособность, так же как и гражданская, признается в равной мере за всеми гражданами (п. 1 ст. 17 ГК).

Как исключение, права граждан в семье могут быть ограничены, но только на основании прямого указания федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан.

Тогда как гражданская правоспособность может быть ограничена еще и в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства (п. 2 ст. 1 ГК).

При этом ограничение прав является одинаковым для всех субъектов семейного права, т. е. признак равенства правоспособности сохраняется.

3. Следование. Семейная правоспособность сопровождает субъекта семейного права в течение всего времени его существования независимо от его действий (бездействия), событий и правового статуса. Так, если лица, вступающие в брак (одно из лиц), не могут явиться в орган загса вследствие тяжелой болезни или по другой уважительной причине, государственная регистрация заключения брака может быть произведена на дому, в медицинской или иной организации, также возможна государственная регистрация заключения брака с лицом, находящимся под стражей или отбывающим наказание в местах лишения свободы (п. 6, 7 ст. 27 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [5]). Объявление гражданина умершим по решению суда также не является основанием для прекращения как семейной, так и гражданской правоспособности (ст. 45, 46 ГК).

Исключением является брачная правоспособность, приобретенная до достижения 18 лет.

4. Абстрактность. С одной стороны, данный признак отражает максимально полный набор прав и обязанностей, которые в принципе могут быть у субъекта семейного права согласно нормам семейного и иного законодательства. В этом случае объем правоспособности меняется вследствие изменения текущих нормативных правовых актов и зависит от усмотрения законодателя. Также объем правоспособности зависит и от конкретных исторических условий, обрядов и традиций народов, уровня развития культуры в данном обществе. Так, в ходе реформ Петра I был установлен брачный возраст: 20 лет — для юношей и 17 лет — для девушек, а для гардемаринов он составил 25 лет [6]. В 1917 г. был установлен единый брачный возраст — 18 лет.

С другой стороны, это потенциальная возможность реализовать правоспособность в виде конкретного субъективного права или обязанности (правовой статус). Причем одновременно обладать всем объемом прав и обязанностей в семейном праве невозможно, так как в отдельных случаях они дифференцируются по половому признаку и иным социально-юридическим качествам субъекта [7].

Второе отличие семейной правоспособности от гражданской проявляется в постепенном

наделении субъекта семейного права правовыми возможностями, т. е. с достижением определенного возраста объем правоспособности увеличивается и достигает полного объема в момент совершеннолетия (изменяется в зависимости от возраста, дополняясь новыми элементами). Тогда как в гражданском праве уже в момент рождения субъект обладает полной, «стопроцентной» правоспособностью. Хотя, по мнению Т. Ю. Удовиченко, отличающемуся от традиционного цивилистического подхода, «недееспособные (субъекты гражданского права. — С. А.) имеют правоспособность в неполном объеме. Они не обладают той способностью (возможностью) иметь всеобщие и равные для всех права и обязанности, которые могут быть осуществлены только лично и исполнение которых не может возлагаться на других лиц» [8].

При этом законодатель во всех случаях жестко привязывает возникновение того или иного права (обязанности) к определенному возрасту (возрастной ценз). Несовершеннолетние родители имеют родительские права и обязанности только в части совместного проживания с ребенком и участия в его воспитании (п. 1 ст. 62 СК), а родители, не состоящие в браке, вправе осуществлять родительские права и обязанности в полном объеме по достижении ими возраста 16 лет (п. 2 ст. 62 СК).

Способность быть усыновителем, опекуном, попечителем, приемным родителем появляется строго по достижении 18 лет (ст. 127, 146, 153 СК), даже в том случае, когда ребенок приобрел полную гражданскую дееспособность до совершеннолетия (эмансипация, вступление в брак).

Обязанности детей по содержанию родителей, братьев и сестер по содержанию своих несовершеннолетних братьев и сестер, внуков по содержанию дедушек и бабушек, воспитанников по содержанию фактических воспитателей, пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи также возникают после 18 лет (ст. 87, 93, 95–97 СК).

Особое свойство имеет брачная правоспособность. По умолчанию она возникает в момент совершеннолетия субъекта (п. 1 ст. 13 СК). Однако в отдельных случаях, предусмотренных как СК, так и соответствующими законами субъектов РФ, имеет место снижение брачного возраста (см., например, закон Московской области от 30.04.2008 № 61/2008-ОЗ «О порядке и условиях вступления в брак на территории Московской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» [9]). Каждый субъект самостоятельно определяет нижнюю границу возраста вступления в брак. Так, в законах Ростовской, Московской,

Вологодской, Владимирской, Самарской и Калужской областей минимальный брачный возраст 14 лет; в Тверской, Мурманской и Рязанской областях — 15. В законах Новгородской и Орловской областей, Республике Башкортостан возрастные ограничения вообще отсутствуют [10].

Таким образом, с одной стороны, отсутствие в федеральном законе единой нижней границы вступления в брак для всех субъектов РФ нарушает признак равенства, «одинаковости» семейной правоспособности для всех участников семейного права и ставит ее в зависимость от места проживания, что недопустимо (ч. 2 ст. 19 Конституции).

С другой стороны, правоспособность находится в зависимости от усмотрения соответствующего должностного лица (к тому же не являющегося субъектом семейного права), а не закона. В данном случае нарушается признак абстрактности, который предполагает независимость правоспособности от чьей-то воли, интересов и действий.

Кроме того, вступление в брак до 18 лет влечет возникновение гражданской дееспособности в полном объеме, которая сохраняется и в случае расторжения брака до достижения возраста совершеннолетия (п. 2 ст. 21 ГК). В случае признания брака недействительным суд может, но не обязан принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной гражданской дееспособности с момента, определяемого судом в соответствии с интересами несовершеннолетнего супруга.

В семейном праве вступление в брак до 18 лет также является основанием приобретения полной дееспособности, за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной ценз (например, ст. 62, 127, 146, 153 СК). Исходя из анализа положений ч. 3 ст. 55 Конституции такое ограничение прав и свобод допустимо.

Однако факт расторжения брака влечет иные правовые последствия: уменьшается объем семейной правоспособности (нельзя вступить в новый брак на общих основаниях), «превращает» полную семейную дееспособность обратно в частичную. Брак, признанный судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, т. е. данный императив в отношении несовершеннолетних имеет те же правовые последствия, что и расторжение брака. Однако в этом случае СК предусматривает исключение в части прав добросовестного супруга, реализуемое как по решению суда (право на содержание, на раздел имущества, на признание действительным брачного договора полностью или частично), так и самостоятельно (право на фамилию) (п. 4, 5 ст. 30).

Объем гражданской правоспособности по общему правилу не зависит от гражданства субъекта права. Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, специально установленных законом (ст. 1196 ГК). Другими словами, объем гражданской правоспособности граждан Российской Федерации несколько больше, чем у иностранных граждан и лиц без гражданства, за исключением права физического лица на имя, его использование и защиту, которое определяется его личным законом, если иное не предусмотрено ГК или другими законами (ст. 1198 ГК).

Относительно семейной правоспособности гражданство, напротив, имеет принципиальное значение. Так, права и обязанности супругов, родителей и детей, алиментные обязательства совершеннолетних детей и других членов семьи определяются личным законом субъекта права исходя из места жительства либо гражданства последних (ст. 161, 163, 164 СК). Российский законодатель для данных правоотношений вводит единственное исключение: нормы иностранного семейного права не применяются, когда такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) РФ. В этом случае применяется законодательство РФ (ст. 167 СК).

Например, в Российской Федерации запрещены однополые браки (партнерства), и, соответственно, права и обязанности таких «супругов» на территории РФ не возникают.

Право на усыновление российских детей иностранными гражданами (лицами без гражданства) реализуется согласно личному закону указанных лиц, а также с учетом положений международных договоров РФ о межгосударственном сотрудничестве в области усыновления детей. При этом усыновление (удочерение) на территории России производится по правилам, предусмотренным для граждан Российской Федерации, за некоторыми изъятиями (ст. 165 СК).

Право на защиту усыновленного российского ребенка вне территории РФ осуществляется в пределах, допускаемых международным правом и международными договорами РФ (п. 3 ст. 165 СК).

Деятельность любых лиц, кроме органов опеки и попечительства, по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, посредническая деятельность по усыновлению детей, не допускается (п. 1 ст. 121, ст. 126 СК).

Однако деятельность специально уполномоченных иностранными государствами органов или организаций по усыновлению детей, которая осу-

ществляется на территории РФ в силу международного договора РФ или на основе принципа взаимности, не является посреднической. Законодатель только ставит предел ее реализации: она не должна преследовать коммерческие цели. В этом случае объем правоспособности у данных лиц шире по сравнению с российскими субъектами семейного права.

Семейная и гражданская правоспособности возникают в момент рождения. Речь идет о рождении только живого ребенка согласно данным медицинской науки (отделение плода от организма матери, степень его доношенности, масса тела новорожденного, его способность к самостоятельному дыханию и т. д.). Напротив, мертворожденные не могут быть субъектами семейного права. Правоспособность также не возникает до момента рождения. Акт зачатия, срок беременности и т. д. являются юридически безразличными фактами для возникновения правоспособности.

Особенности, связанные с возможностью лица быть носителем субъективных прав и обязанностей (правоспособности), состоят в том, что они должны быть: а) внешне обособленными (признаки правоспособности); б) персонифицированными (индивидуализация лица).

В отношении физических лиц такая индивидуализация проявляется в неразрывной правовой связи имени, места жительства и актов гражданского состояния с конкретным человеком (ст. 19, 20, 47 ГК).

Рождение живого ребенка оформляется медицинским свидетельством о рождении (приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [11]). Данный документ юридически подтверждает сам факт рождения, но не индивидуализирует субъекта права, особенно при рождении нескольких детей. Необходимо заявление родителей или иных уполномоченных лиц (см. постановление Правительства РФ от 31.10.1998 № 1274 «Об утверждении форм бланков заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния, справок и иных документов, подтверждающих государственную регистрацию актов гражданского состояния» [12]) в орган загса не позднее, чем через месяц со дня рождения ребенка (п. 6 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»).

Однако возможна государственная регистрация рождения ребенка, достигшего возраста одного года и более. При наличии документа установленной формы о рождении регистрация производится по заявлению родителей (одного из родителей) или иных заинтересованных лиц; при

отсутствии документа — на основании решения суда об установлении факта рождения.

По достижении ребенком совершеннолетия государственная регистрация его рождения производится по заявлению самого ставшего взрослым ребенка.

Другими словами, ребенок по факту есть, но юридически его как бы нет. Согласно постановлению Правительства РФ от 06.07.1998 № 709 «О мерах по реализации Федерального закона “Об актах гражданского состояния”» [13] свидетельство о рождении — это первый основной документ, устанавливающий правовую связь человека и его имени, т. е. юридически оформленное имя и есть тот момент, когда лицо сумеет реализовать не только семейную правоспособность, а правоспособность вообще. В противном случае, осуществление принадлежащих ему прав будет существенно усложнено, а родители не смогут получать детские пособия и т. д.

Таким образом, рождение есть факт приобретения «потенциальной правоспособности», а наличие соответствующих документов, подтверждающих данный юридический факт, есть ее внешнее оформление, превращающее «потенциальную правоспособность» в «правоспособность реализованную».

Определенную аналогию можно заметить в наследственных правоотношениях. Право собственности на наследуемое имущество в случае его принятия возникает с момента открытия наследства независимо от времени его фактического принятия (ст. 1152–1154 ГК). При этом свидетельство о праве на наследство выдается наследникам в любое время по истечении шести месяцев со дня открытия наследства, за исключе-

нием случаев, предусмотренных ст. 1162 ГК. Реализовать полномочие распоряжения наследством до получения указанного документа юридически невозможно, например, продать квартиру, полученную от бабушки.

Правоспособность прекращается с биологической смертью, связываемой с необратимой гибелью всего головного мозга (см. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [14], приказ Минздрава России от 20.12.2001 № 460 «Об утверждении Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» [15]). Клиническая смерть является обратимой и не влияет на правоспособность, как и объявление гражданина умершим по решению суда, так называемая юридическая смерть (ст. 45 ГК).

Подводя итог, можно сделать следующий вывод о характере семейной правоспособности. Она возникает равной для всех в момент рождения живого ребенка и не отчуждается до момента фактической смерти, постепенно увеличивается с возрастом, достигая максимума в момент совершеннолетия. Правоспособность зависит от пола и социально-юридических качеств субъекта семейного права, является реализованной в случае соответствующего документального оформления. Объем семейной правоспособности имеет свойство уменьшаться в отношении брачной правоспособности как ее составляющего элемента. В случае заключения брака до 18 лет он оказывает непосредственное влияние на увеличение гражданской дееспособности, частично является элементом правоспособности иных отраслей права, входит как составляющий элемент в общую правоспособность национального законодательства.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

2. См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 2. Ст. 16.

3. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

4. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник. 5-е изд. М., 2008. С. 190.

5. См.: СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

6. См.: Муратова С. А. Семейное право : учебник. 2-е изд. М., 2006. С. 23.

7. См. подробнее: Агапов С. В. О системе субъектов семейного права // Вестник Российской правовой академии. 2012. № 3. С. 31–36.

8. Удовиченко Т. Ю. Правоспособность физических лиц по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 9.

9. См.: Ежедневные новости. Подмосковье. 2008. 14 мая.

10. См.: Семейный кодекс в регионах. М., 1998. С. 8. (Библиотека журнала «Социальная защита» ; вып. 7).

11. См.: РФ. 2012. 23 марта.

12. См.: СЗ РФ. 1998. № 45. Ст. 5522.

13. См.: Там же. 1998. № 28. Ст. 3359.

14. См.: ВСНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

15. См.: РФ. 2002. 30 янв.

УДК 347.72.033

Р. В. Гуков
R. V. Gukov

О необходимости повышения минимального размера уставного капитала в обществах с ограниченной ответственностью

The Importance of Raising the Level of the Minimum Size of the Charter Capital in Limited Liability Companies

В статье обосновывается необходимость повышения минимального размера уставного капитала в ООО. основополагающей функцией уставного капитала, по мнению автора, является защита интересов кредиторов. Предлагаются новые способы формирования и обеспечения уставного капитала, в том числе посредством банковской гарантии и страхования ответственности общества. Делается вывод о том, что основным принципом регулирования уставного капитала должен стать принцип невозможности использования в коммерческом обороте организации имущества, составляющего вклады в уставной капитал (в части минимального размера).

Общество с ограниченной ответственностью; уставный капитал; минимальный размер уставного капитала; кредитор; государственная регистрация; банковская гарантия; страхование ответственности

In the article the necessity of raising the level of minimum size of the charter capital in limited liability companies is explained. To the author's point of view, the basic function of charter capital is the protection of the creditors. New methods of organization and supply of charter capital, by means of bank guarantee and company liability insurance. There is a conclusion that the main principle of regulation must be the principle of impossibility of use of property that contains deposits into Charter Capital (in minimum size), in company stream of commerce.

Limited Liability Company; Charter Capital; Minimum size of Charter Capital; creditor; official registration; bank guarantee; liability insurance

В данной статье рассматривается вопрос о целесообразности повышения минимального размера уставного капитала ООО. Данная организационно-правовая форма юридических лиц выбрана нами не случайно, так как является самой распространенной в Российской Федерации.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [1] (далее — Закон об ООО) дается такое определение: «Обществом с ограниченной ответственностью (далее — общество) признается созданное одним или несколькими

лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале общества».

При этом согласно абз. 4 п. 1 ст. 14 Закона об ООО уставный капитал определяет минимальный размер имущества общества, гарантирующего интересы его кредиторов.

Вопросы, связанные с уставным капиталом ООО, проходят через весь Закон об ООО.

Можно выделить три основные функции уставного капитала в ООО:

- определение долей участников и, соответственно, размера их прав в обществе;
- стартовый капитал;
- гарантия выполнения обязательств перед кредиторами.

Полагаем, что реальная возможность удовлетворения требований кредиторов и является одним из главных предназначений уставного капитала в ООО. Законодатель закрепляет данную норму для минимизации коммерческого риска у контрагентов ООО.

Обратим внимание на то, что Закон об ООО не предусматривает уведомления кредиторов об увеличении уставного капитала (так как положение кредиторов в этом случае не ухудшается), но достаточно жестко регламентирует вопросы его уменьшения. Так, согласно ст. 20 Закона об ООО в течение трех рабочих дней после принятия обществом решения об уменьшении его уставного капитала общество обязано сообщить о таком решении в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, и дважды с периодичностью один раз в месяц опубликовать в органе печати, в котором публикуются данные о государственной регистрации юридических лиц, уведомление об уменьшении его уставного капитала. При этом кредитор общества, если его права требования возникли до опубликования уведомления об уменьшении уставного капитала общества, не позднее чем в течение 30 дней с даты последнего опубликования такого уведомления вправе потребовать от общества досрочного исполнения соответствующего обязательства, а при невозможности досрочного исполнения такого обязательства — его прекращения и возмещения связанных с этим убытков.

Очевидно, что вопросы образования и изменения размера уставного капитала тесно связаны с решением контрагента о целесообразности вступления в отношения с ООО, и в зависимости от размера его уставного капитала контрагент поразному оценивает свой коммерческий риск.

Законодатель предусматривает зависимость ответственности участников ООО от размеров их долей в уставном капитале. Так, согласно ст. 2 Закона об ООО участники общества, не полностью оплатившие доли, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах стоимости неоплаченной части принадлежащих им долей в уставном капитале общества.

Несмотря на то что Закон об ООО достаточно подробно регламентирует вопросы формирования уставного капитала, его увеличения

и уменьшения, в то же время нормы данного Закона, связанные с уставным капиталом и направленные на защиту прав кредиторов в Российской Федерации, фактически не работают ввиду крайней незначительности установленного минимального размера уставного капитала — 10 тыс. руб. (ст. 14).

Подчас разовые сделки по розничным договорам купли-продажи (например, приобретение потребителем одежды, продуктов и т. п.) превышают данную сумму, а обороты при оптовых сделках между юридическими лицами в подавляющем большинстве случаев вообще несопоставимы с минимальным размером уставного капитала.

Необходимо отметить, что такой минимальный размер уставного капитала установлен для ООО с 2001 г. и ни разу не увеличивался, в то время как официальные показатели инфляции имели следующие значения:

- 2001 г. — 18,8 %;
- 2002 г. — 15,06 %;
- 2003 г. — 11,99 %;
- 2004 г. — 11,74 %;
- 2005 г. — 10,91 %;
- 2006 г. — 9 %;
- 2007 г. — 11,87 %;
- 2008 г. — 13,28 %;
- 2009 г. — 8,80 %;
- 2010 г. — 8,78 %;
- 2011 г. — 6,10 %;
- с января по октябрь 2012 г. — 5,64 % [2].

Таким образом, при сегодняшнем минимальном размере уставного капитала он имеет скорее символическое значение, причем применительно ко всем его функциям, в том числе в вопросе определения долей участников и как стартовый капитал.

Конечно, необходимо признать, что для некоторых видов обществ в зависимости от рода деятельности законодатель предусматривает иной размер уставного капитала:

- согласно ст. 11 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [3] минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемого банка на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме 300 млн руб.;

- ст. 6. Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [4] минимальный размер уставного капитала организатора азартных игр в букмекерской конторе или тотализаторе устанавливается в сумме 100 млн руб.;

- ст. 25 Закона от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [5] минимальный размер уставного капитала страховщика, осуществляющего исключительно медицинское страхование, устанавливается в сумме 60 млн руб., минимальный размер уставного капитала иного страховщика определяется на основе базового размера его уставного капитала, равного 120 млн руб., и соответствующих коэффициентов в зависимости от объекта страхования.

Законодательное закрепление повышенных минимальных размеров уставных капиталов для таких юридических лиц связано с тем, что эти юридические лица имеют большое количество контрагентов, многие из которых являются физическими лицами, и возможные проблемы у такого юридического лица (банкротство, ликвидация и т. п.) могут одновременно затронуть интересы значительной части населения.

Но ведь общества, занимающиеся иными видами деятельности, чем указано выше, и образующие так называемый малый и средний бизнес, составляют уж точно не менее весомую группу субъектов предпринимательской деятельности, в том числе по количеству контрагентов (как юридических лиц, так и конечных потребителей — физических лиц), которые ввиду действующего минимального размера уставного капитала — всего 10 тыс. руб. — оказываются фактически не защищенными институтом уставного капитала.

В своей позиции об увеличении минимального размера уставного капитала мы исходим из того, что коммерческая деятельность требует определенного набора качеств у человека, позволяющих грамотно организовать свой бизнес, извлечь по возможности максимальную прибыль, предвидеть все возможные риски и, безусловно, такая деятельность должна быть ответственной, абсолютно не допускающей перекладывания бремени риска и личной ответственности за принятые решения на других лиц (контрагентов).

Для исправления сложившейся ситуации считаем необходимым повысить минимальный размер уставного капитала у ООО не менее чем до 300 тыс. руб. При определении данной суммы принимали во внимание помимо прочего и размеры уставных капиталов у ООО в зарубежных странах (например, во Франции — 7 500 евро [6], в Италии — 10 тыс. евро [7] и т. д.). С учетом вступления России во Всемирную торговую организацию считаем такие ориентиры вполне уместными.

Полагаем, что данная сумма будет служить минимальной гарантией удовлетворения законных требований кредиторов в случае недостаточности имеющихся у общества активов. Однако, учи-

тывая динамичность экономических процессов в стране, полезно было бы законодательно определить критерии и порядок, в соответствии с которыми этот размер будет своевременно пересматриваться (например, раз в три года — исходя из уровня инфляции за прошедший период).

Согласно ст. 12 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [8] при государственной регистрации создаваемого юридического лица в регистрирующий орган представляются:

а) подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти;

б) решение о создании юридического лица в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством РФ;

в) учредительные документы юридического лица в двух экземплярах;

г) выписка из реестра иностранных юридических лиц соответствующей страны происхождения или иное равное по юридической силе доказательство юридического статуса иностранного юридического лица — учредителя;

д) документ об уплате государственной пошлины.

Таким образом, при государственной регистрации общества документы, подтверждающие внесение имущества для оплаты долей в уставном капитале, не подаются. Считаем, что в данной статье необходимо закрепить обязательное предоставление документа (банковской справки и т. п.), который будет подтверждать реальность оплаты уставного капитала на момент государственной регистрации общества. При этом полагаем, что п. 2 ст. 16 Закона об ООО необходимо изложить в следующей редакции: «На момент государственной регистрации общества его уставный капитал должен быть оплачен учредителями полностью».

Считаем, что увеличение минимального размера уставного капитала до 300 тыс. руб. не должно негативно повлиять на коммерческую деятельность в Российской Федерации и не может стать непреодолимым барьером для граждан по ее ведению.

Так, у гражданина, который решил заняться коммерческой деятельностью, но не имеет возможности внести данную сумму, есть выбор — либо привлечь необходимое число участников, которые сообща будут способны оплатить уставный капитал, либо зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. В последнем случае не требуется формирования уставного

капитала, но контрагент индивидуального предпринимателя имеет другую защиту: согласно ст. 24 ГК [9] гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание.

На тот случай, если для кого-то предлагаемый нами большой минимальный размер уставного капитала окажется сложным барьером в образовании юридического лица, можно предоставить участникам ООО право выбора между оплатой уставного капитала, страхованием ответственности общества по своим обязательствам и оформлением банковской гарантии на сумму 300 тыс. руб.

Положения о финансовом обеспечении ответственности уже реализуются в законодательстве РФ для некоторых видов юридических лиц. Так, согласно ст. 17.1 и 17.2 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [10] размер финансового обеспечения определяется в договоре страхования ответственности туроператора или в банковской гарантии и не может быть менее:

- 500 тыс. руб. — для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере внутреннего туризма или въездного туризма;

- 30 млн руб. — для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере выездного туризма, в случае, если денежные средства, полученные ими от реализации в этой сфере туристского продукта, составляют не более 250 млн руб.;

- 12 % объема денежных средств, полученных от реализации в сфере выездного туризма, в случае, если денежные средства, полученные ими от реализации в этой сфере туристского продукта, составляют более 250 млн руб.

Также необходимо, чтобы в едином государственном реестре юридических лиц в обязательном порядке содержалась информация о том, каким образом оплачен уставный капитал: внесение денежных средств, внесение иного имущества, страхование ответственности либо банковская гарантия. При этом такая информация должна быть в определенной степени подробной (например, с какой страховой компанией и на какой срок обществом заключен договор страхования), чтобы это позволяло контрагенту более реально оценивать свой коммерческий риск при работе с данным обществом, а при наступлении неблагоприятных обстоятельств иметь возможность для скорейшего возмещения ущерба.

Одновременно полагаем необходимым ограничить возможность оплаты уставного капитала (по крайней мере в части предложенного нами

минимального размера) следующими видами имущества:

- деньгами;

- недвижимым имуществом, на которое в установленном порядке должен быть наложен запрет на его отчуждение на весь период, в течение которого эта недвижимость будет считаться вкладом в уставный капитал общества;

- ценными металлами (золото, платина и т. п.), прошедшими независимую оценку и хранящимися в банках без права их выдачи участникам общества либо обществу, пока они являются вкладами в уставный капитал.

На наш взгляд, основным в регулировании уставного капитала должен стать принцип невозможности использования в коммерческом обороте имущества, составляющего уставный капитал, общей стоимостью не менее 300 тыс. руб. Если в обществе сформирован уставный капитал в большем размере, чем минимальный, то в соответствующей (превышающей) части имущество могло бы использоваться обществом в обычном режиме. При желании повысить кредит доверия в глазах потенциальных контрагентов и, соответственно, улучшить свою конкурентоспособность, участники общества вправе установить режим запрета на использование в коммерческом обороте всего имущества, составляющего уставный капитал, а не только в его минимальной по стоимости части — 300 тыс. руб. Безусловно, что касается затронутого имиджевого вопроса, то это было бы справедливо при условии, что контрагенты имеют возможность быстро и легко получить достоверную информацию о том, под каким режимом (в смысле настоящего абзаца) находятся вклады в уставный капитал.

Денежные средства, внесенные в уставный капитал, за исключением той их части, которая в сумме со стоимостью иного имущества, являющегося вкладом в уставный капитал, превышает 300 тыс. руб., должны перечисляться на государственные счета с возможностью использования их государством в определенных целях. При этом на денежные средства за время нахождения их на данных счетах должны начисляться проценты, например, равные ставке рефинансирования Банка России либо размеру инфляции за соответствующий период.

В дополнение к аргументации, подтверждающей актуальность нововведений, заметим также, что имеющиеся законодательные нормы, регламентирующие соотношение размера уставного капитала и величину чистых активов (в том числе п. 4 ст. 30 Закона об ООО), при практическом применении в большинстве случаев являются не более чем декларированием, в том

числе потому, что нет должного контроля за их реализацией.

Ряд других норм российского законодательства, определяющих ответственность участников (акционеров) общества и иных лиц при ведении деятельности общества, в том числе содержащиеся в ст. 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [11], тоже не могут должным образом отвечать требованиям по защите прав кредиторов.

Во-первых, сама процедура банкротства достаточно сложная и далеко не каждый стремится в ней участвовать, во-вторых, тяжело доказать вину участника или руководителя в том, что именно их действия привели к банкротству компании, а в-третьих, при установленном сегодня минимальном размере уставного капитала кредитор мало того что не сможет получить долг даже при вынесении судебного решения в его пользу, так, наоборот, с большой вероятностью будет иметь дополнительные расходы, связанные с ведением дела о банкротстве в арбитражных судах.

Минимальный размер уставного капитала может влиять и на другие стороны взаимодействия контрагентов, например, на размер гарантийного срока на товары (работы). В настоящее время юридическое лицо фактически может устанавливать любой гарантийный срок (три года, пять лет и т. д.). При этом гарантийный срок не зависит от срока существования самого ООО, и потребитель фактически вводится в заблуждение. Часто по истечении сравнительно небольшого срока (как правило, через два-три года) деятельность ООО прекращается, обороты переводятся на другие юридические лица, и таким

образом общества уходят от ответственности по совершенным сделкам.

Увеличение минимального размера уставного капитала с одновременными ограничениями по коммерческому обороту соответствующего имущества приведут к увеличению продолжительности существования компаний, что, в свою очередь, должно привести к большей прозрачности в их деятельности, собираемости налогов и ответственности перед контрагентами. Для многих станет экономически невыгодной смена юридического лица. На данный момент такое «перепрыгивание» чаще всего представляет собой слияние общества с другой компанией в другом регионе и бесхозное ее оставление. Соответственно, в таком случае имущество, являющееся вкладом в уставный капитал, будет находиться в подвешенном состоянии либо в итоге распределится среди кредиторов (в том числе налоговых органов).

Сегодня даже решение суда не означает, что право истца будет восстановлено. По нашему глубокому убеждению, говорить о восстановлении прав истца можно только после фактического (реального) восстановления имущественного положения, которое, к сожалению, при минимальном размере уставного капитала в 10 тыс. руб. часто оказывается невозможным.

Увеличение минимального размера уставного капитала до 300 тыс. руб., на наш взгляд, будет являться паритетом между интересами участников ООО по ведению коммерческой деятельности и правом контрагентов на минимальную гарантию удовлетворения их законных требований, благоприятно скажется на сборе налогов и приведет к уменьшению количества так называемых фирм-однодневок.

1. См.: СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

2. См.: Таблица инфляции // Уровень инфляции в Российской Федерации : сайт. URL: уровень-инфляции.рф/таблица_инфляции.aspx (дата обращения: 23.11.2012).

3. См.: СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

4. См.: Там же. 2007. № 1. (Ч. 1). Ст. 7.

5. См.: РГ. 1993. 12 янв.

6. См.: Euroadvocat. Business in Europe : сайт. URL: <http://www.businesseuro.ru/otkritfirmischetovfranc.html> (дата обращения: 23.11.2012).

7. См.: Агентство недвижимости в Италии : сайт. URL: <http://www.italybrand.ru/info/registratsiya-yuridicheskogo-litsa-v-italii> (дата обращения: 23.11.2012).

8. См.: СЗ РФ. 2001. № 33. (Ч. 1). Ст. 343.

9. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52. (Ч. 1). Ст. 5496.

10. См.: СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

11. См.: Там же. 2002. № 43. Ст. 4190.

УДК 343.74 (73)

М. А. Абдулмуслимов
M. A. Abdulmuslimov

Опыт борьбы с рейдерскими захватами корпораций в Соединенных Штатах Америки

The Fight Against Corporate Raider Attacks in the United States

В статье анализируются законодательный опыт США и судебная практика в сфере борьбы с рейдерскими захватами. Рассматриваются основные способы недружественных слияний и поглощений корпораций. Приводятся особенности тактики противодействия недружественным слияниям и поглощениям.

Рейдерство; корпоративный захват собственности; уголовное право; общественная опасность; слияния и поглощения; борьба с рейдерскими захватами

The article analyzes the experience in the legislature and judicial practice in the fight against raider attacks in the United States, the main methods of hostile merger and acquisitions of corporations, the tactics to counter hostile mergers and acquisitions.

Raiding; the corporate seizure of property; criminal law; public danger; mergers and acquisitions; combating corporate raid

Повышение количественных и качественных показателей экономической преступности, отказ от традиционного силового захвата юридических лиц в пользу «интеллектуальных» моделей воздействия указывают на необходимость совершенствования уголовно-правовых средств противодействия рейдерству. Сегодня термин «рейдерство» приобрел общепотребительный характер: им оперируют юристы, экономисты, политики и журналисты, указывая на неизбежность сращивания организованной преступности с коррупцией.

С некоторым опозданием проблема противодействия недружественному захвату чужого бизнеса (рейдерства) вышла на законодательный уровень. В 2010 г. были инициированы поправки в УК [1] в части «повышения эффективности противодействия так называемому рейдерству, то есть

захватам имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий» [2]. В результате была установлена уголовная ответственность за фальсификацию решений общего собрания акционеров (участников) хозяйственных обществ, решений совета директоров, а также внесение заведомо недостоверных сведений в единый государственный реестр юридических лиц или в реестр владельцев ценных бумаг (см. Федеральный закон РФ от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3]). Вместе с тем в УК, как и в иных источниках российского законодательства, не нашло отражения легальное определение рейдерства.

Чрезвычайно ценным при разработке этого понятия, равно как и комплекса уголовно-правовых

средств борьбы с рейдерством, может оказаться законодательный опыт США.

Рейдерство (от англ. *raid* — «налет, набег»; *raiders* — «лица, совершающие налеты, набеги») есть криминальный способ недружественного слияния и поглощения корпораций. Его появление и развитие принято связывать с именем знаменитого американского предпринимателя Джона Дэвисона Рокфеллера, открывшего в 1870 г. первую в мире рейдерскую корпорацию «*Ohio Company*», позднее названную «*Standard Oil Company*». Она была создана путем слияния разрозненных мелких и средних нефтяных американских компаний и уже к 1877 г. заняла монополистическое положение на рынке переработки и транспортировки нефтепродуктов.

В 1890 г. в связи с включением государства в нефтебизнес и принятием одного из основных источников антитрестового законодательства США — Закона Шермана (*the Sherman Antitrust Act*) [4] — «*Standard Oil Company*» привлекла внимание антимонопольных органов и подверглась принудительному разделу. Несмотря на непрекращающиеся попытки Рокфеллера создать холдинговые компании «*Standard Oil Company*», в 1911 г. Верховный суд США принял решение о прекращении ее деятельности [5].

В современном федеральном уголовном законодательстве США в отношении недружественных слияний и поглощений корпораций устанавливается рамочная уголовная ответственность. Детальная регламентация приводится в специальных законах, в частности, в Законе Шермана и Законе Клейтона (*the Clayton Antitrust Act*) [6].

Особенностью этих федеральных антитрестовских законов является то, что они предусматривают дуалистическую систему гражданских правоприменительных полномочий, которыми наделяются два федеральных органа — Министерство юстиции США и Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовым биржам. В гражданских делах речь обычно идет о применении средств судебной защиты по праву справедливости (судебный запрет или приказ суда о запрещении продолжения противоправного действия).

Возбуждать уголовные дела по фактам нарушения антитрестовского законодательства имеет право только Министерство юстиции США. Почти все случаи возбуждения уголовных дел связаны с горизонтальными действиями по слиянию и поглощению. В соответствии со ст. 1 Закона Шермана совершение обозначенных действий корпорациями признается преступлением и наказывается штрафом в размере до 10 млн дол. США. Индивидуальные нарушители Закона Шермана мо-

гут быть по усмотрению суда подвергнуты штрафу в размере до 350 тыс. дол. США либо лишению свободы на срок до трех лет.

Статья 7 Закона Клейтона запрещает слияния и поглощения компаний, которые могут привести к существенному ослаблению конкуренции или созданию монополии в какой-либо сфере торговли. Закон предусматривает санкции в отношении некоторых видов слияний и требует от субъектов, планирующих осуществить слияние, подать уведомление в Федеральную комиссию по ценным бумагам и фондовым биржам и Министерство юстиции [7]. Это требование является одним из основных при завершении сделок по слиянию, поскольку выступает критерием оспоримости таких сделок.

Антитрестовское законодательство закрепляет три основных способа слияния корпораций:

1) горизонтальное слияние, когда компания приобретает конкурирующую фирму, расположенную в том же географическом районе и действующую в том же секторе рынка. Уполномоченный орган устанавливает возможные последствия концентрации рынка и вероятность возникновения потенциальных барьеров вхождения новых конкурентов в этот сектор рынка. Например, по одному из дел суд временно запретил компании, занимающейся производством гробов, скупать акции другого производителя аналогичных товаров, ссылаясь на то, что в случае успешного завершения сделки компания стала бы контролировать слишком большую долю рынка;

2) вертикальное слияние, когда компания возлагает на себя функции, осуществление которых при других условиях она возложила бы по договору на другое лицо. Иллюстрацией могут служить действия производителя, который приобретает компанию — поставщика компонентов для своей продукции. В последние годы суды оправдывают вертикальные слияния, поскольку они сами по себе играют положительную роль в плане повышения эффективности торговли и не представляют сколько-нибудь серьезной угрозы конкуренции. Так, по делу Национального банка Филадельфии, в ситуации, когда образовавшийся после слияния банковский холдинг контролировал бы треть рынка банковских услуг штата Калифорния, суд придавал особое значение тому факту, что в результате такого слияния существенная доля этого рынка принадлежала бы одному банку. В другом случае суд не одобрил слияния двух банков, сославшись на наличие существенных препятствий для выхода на рынок вновь создаваемой кредитной организации;

3) слияние компаний различных отраслей, включающее в себя все типы приобретения кор-

пораций, не охваченные первыми двумя способами. Сюда входят создание крупных совместных предприятий и слияние компаний, не являющихся прямыми конкурентами.

Способом приобретения корпорации без достижения соглашения с ее руководством является скупка голосующих акций в количестве, достаточном, чтобы установить над ней контроль. Это может быть сделано на рынке ценных бумаг или путем прямого предложения продать акции по цене выше рыночной, обращенного непосредственно к акционерам корпорации. Предложение является способом, посредством которого предполагаемый приобретатель предлагает акционерам корпорации — «жертвам» — выставить свои акции на продажу. Предлагаемая цена покупки обычно выше рыночной. Если поглощение противоречит желаниям руководства, оно называется «враждебным» (*hostile*). Но когда руководство поддерживает поглощение, оно именуется «дружественным» (*friendly*).

Поскольку предложения продать акции касаются ценных бумаг, находящихся на открытом рынке ценных бумаг, такие предложения регулируются федеральным законодательством, в частности, Законом Уильямса (*the Williams Act*) [8]. Данный Закон предписывает лицу, покупающему более 5 % акций открытой корпорации, сообщить об этом приобретении Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам. Кроме того, лицо, предлагающее купить по меньшей мере 5 % акций компании, должно сделать этот факт достоянием общественности и указать цель своего предложения, а также раскрыть свои планы в отношении корпорации, акции которой являются предметом приобретения, в том случае, если предложение о продаже будет принято. Иные предписания Закона Уильямса подробно регламентируют условия, срок и обстоятельства, при которых подобное предложение может быть сделано.

Успешное враждебное поглощение почти всегда означает, что руководители поглощенной корпорации теряют работу. Поскольку на карту поставлена их карьера, они часто ожесточенно противодействуют поглощению различными способами, именуемыми тактикой противодействия недружественным поглощениям и слияниям [9].

Следуя одной тактике, они могут попытаться убедить акционеров в том, что поглощение не отвечает интересам корпорации, или предъявить иск с обвинениями в якобы имевших место нарушениях применимых в данной ситуации норм федерального антитрестовского законодательства и законов о ценных бумагах. Часто это де-

лается только для того, чтобы выиграть время и использовать какой-либо иной способ предотвращения поглощения.

Другая тактика заключается в попытках найти конкурента лицу, поглощающему корпорацию, так называемого белого рыцаря (*white knight*), который обещает не ущемлять интересы руководства и акционеров компании после ее поглощения.

Имеется также тактика под названием «отравленная пилюля» (*poison pill*). Ее смысл состоит в том, чтобы предоставить акционерам чрезвычайные полномочия в отношении своей корпорации, которые вступали бы в силу в момент поглощения. Цель этого приема заключается в том, чтобы сделать корпорацию менее привлекательной для лица, которое стремится ее поглотить.

Применяется также оборонительная тактика под названием «поворот» (*turnabout*). Ее суть состоит в том, что поглощаемая корпорация обращается к акционерам поглощающей корпорации с контрпредложением купить их акции.

В числе последнего, но особо дорогостоящего способа предотвращения недружественных слияний и поглощений, выделяется выкуп уже приобретенных захватывающей корпорацией акций по более высокой цене (*to pay "greenmail"*).

Существует потенциальная возможность конфликта интересов между руководством и акционерами поглощаемой корпорации в процессе осуществления попытки поглощения. В этой связи возникают определенные обязанности руководства для предотвращения поглощения, сущность которых поясняется судом в деле Ревлона. К действиям руководства при поглощении обычно применяется «правило обоснованности предпринимательского суждения» (*business judgment rule*). В случае поглощения суд будет внимательно изучать оборонительные действия руководства на предмет выявления признаков того, что должностные лица корпорации при предотвращении поглощения действовали, исходя из своих личных интересов, а не из интересов акционеров корпорации. Если оборонительные действия оказались безуспешными и продажа компании неизбежна, в обязанности руководства вменяется уже не сохранение компании как юридического лица, а максимизация ее стоимости и обеспечение получения акционерами оптимального возмещения за свои акции.

Подводя краткий итог, отметим следующее. Учитывая сложившуюся негативную практику недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерства) в Российской Федерации, необходимо принятие дополнительных поправок в УК, затрагивающих не только рынок ценных

бумаг, но и иные финансовые институты. Кроме того, превентивный эффект имелся бы в случае разработки руководящих разъяснений о судебной практике по уголовным делам данной категории.

К сожалению, в отличие от четкого правоприменительного подхода США наша судебно-следственная практика в этой сфере еще нуждается в конкретизации.

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 353716-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части противодействия рейдерству) // Государственная Дума Российской Федерации : сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=353716-5&02> (дата обращения: 08.06.2012).
 3. См.: СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3431.
 4. См.: Global Competition Forum : сайт. URL: http://www.globalcompetitionforum.org/regions/n_america/USA/us_saa.pdf (дата обращения: 08.06.2012).
 5. См.: From Wikipedia, the free encyclopedia : сайт. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Standard_Oil (дата обращения: 08.06.2012).
 6. См.: Global Competition Forum : сайт. URL: http://www.globalcompetitionforum.org/regions/n_america/USA/The%20Clayton%20Antitrust%20Act.pdf (дата обращения: 08.06.2012).
 7. См.: Legal Information Institute : сайт. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/18a> (дата обращения: 08.06.2012).
 8. См.: Там же. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-2B-1> (дата обращения: 08.06.2012).
 9. См.: Бернам У. Правовая система США / под ред. В. А. Власихина. М., 2006. С. 924–925.

УДК 342.92

В. Г. Абрамов
V. G. Abramov

Теоретическая концепция экологического правонарушения (понятие и основные положения)

Theoretical Conception of Ecological Offence (Concept and Basic Principles)

Статья посвящена характеристике концепции экологического правонарушения. В ней раскрываются понятие и основные положения данной концепции, анализируются сущность и особенности признаков, образующих теоретические основы современной доктрины экологического правонарушения и составляющих содержание его понятия.

Экологическое правонарушение; концепция; доктрина; сфера взаимодействия общества и природы; охрана окружающей среды

The article deals with description of ecological offence conception. The article shows its concept and basic principles. The author analyses essence and particularities signs formed theoretical foundations of modern ecological offence doctrine and content of its concept.

Ecological offence; conception; doctrine; sphere of society and nature interaction; environment protection

Детальное изучение сущности и природы экологического правонарушения представляется весьма актуальным на современном этапе развития юриспруденции и иных общественных наук. Необходимость такого исследования обуславливается различными социальными и правовыми факторами. Оно должно основываться на определенной концепции, позволяющей последовательно и всесторонне проанализировать характерные черты и специфические особенности рассматриваемой категории. Очевидно, что сам термин «концепция» (от лат. *conceptio* — «понимание, система») нуждается в некотором разъяснении. Этим термином чаще всего обозначается определенная система взглядов, тот или иной способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, основная точка зрения на данный предмет или явление [1]. Следовательно, концепция эко-

логического правонарушения представляет собой определенный способ его понимания и трактовки, формирующий основополагающую точку зрения на его социальную сущность и юридическую природу. Этот способ, естественно, основывается на системе взглядов и представлений о соответствующей категории.

Будучи объектом научного анализа, экологическое правонарушение характеризуется сложностью и многогранностью внутреннего содержания. Данное обстоятельство обуславливает существование различных форм его внешнего проявления: свое объективное выражение экологическое правонарушение находит в статическом или динамическом состоянии. При этом в его статическом состоянии необходимо выделять теоретические (доктринальные) положения и нормативные (легальные) конструкции. В первом случае

экологическое правонарушение предстает в качестве *научного понятия*, объединяющего наиболее типичные и существенные признаки разнообразных вариантов противоправного поведения, совершающегося в сфере взаимодействия общества и природы. Оно проявляется в виде базовых, основополагающих постулатов, составляющих сердцевину учения об экологическом правонарушении и образующих в совокупности соответствующую доктрину. Таким образом, вполне обоснованно выделение *доктринального (теоретического) аспекта* рассматриваемой категории.

Вторая форма объективного выражения экологического правонарушения характеризует его как *правовой институт*, состоящий из норм, в которых сформулированы составы преступлений и проступков, посягающих на указанную область общественных отношений. Это позволяет говорить о *легальном (нормативном) аспекте* экологического правонарушения. Динамическое же состояние последнего предполагает его реальное проявление в объективной действительности и тем самым свидетельствует о его *практическом аспекте*. Оно характеризует экологическое правонарушение как *социальное явление*, юридический факт — конкретное фактическое обстоятельство (противоправное деяние), с наличием которого правовые нормы связывают наступление юридически значимых последствий.

Рассматриваемое в означенном контексте экологическое правонарушение представляет собой многогранное понятие, структурные элементы которого характеризуются диалектическим единством. Однако такое единство не лишено известных противоречий, обусловленных сложностью взаимосвязи и взаимодействия составных частей описанной выше структуры. В первую очередь необходимо отметить их иерархическую соподчиненность. Так, постулаты правовой доктрины служат своеобразным теоретическим фундаментом для конструирования составов конкретных противоправных деяний. В свою очередь, совокупность признаков, закрепленных в соответствующей правовой норме, определяет динамическое состояние экологического правонарушения. Вместе с тем во взаимодействии элементов рассматриваемой структуры наличествует не только прямая, но и обратная связь. Это процесс объективный, поскольку практический аспект экологического правонарушения способен оказывать воздействие на отдельные доктринальные положения, что вполне логично требует уточнения формулировок тех или иных нормативных конструкций либо обуславливает разработку новых.

В наиболее общем понимании сущность экологического правонарушения заключается в нарушении экологических прав, интересов субъектов. Социальная экология (от лат. *socialis* — «общественный» и греч. *oikos* — «дом, среда обитания»; *logos* — «слово, учение») как раздел общей экологии представляет собой науку о месте проживания человека, систему знаний о закономерностях взаимодействия общества с окружающей его средой обитания [2]. Таким образом, термины «экология», «экологический» необходимо употреблять в значении определенного учения, специфической области знаний [3]; использование их в каком-либо ином контексте допустимо с известной долей условности. Следовательно, в данном контексте экологическое правонарушение предстает в виде собирательного теоретического понятия, область применения которого должна ограничиваться соответствующей доктриной. В принципе, подобная позиция нашла отражение в действующем российском законодательстве: в отличие от Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [4] (утратил силу), закрепившего экологическое правонарушение в качестве нормативного понятия, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [5] использует иной термин — «нарушение законодательства в области охраны окружающей среды».

Теоретические основы современной доктрины экологического правонарушения в первую очередь определяет совокупность признаков, составляющих содержание его понятия:

1) любой «экологически значимый» проступок или преступление всегда проявляется в действительности как акт поведенческой деятельности — *деяние*. Это есть *фактический* признак анализируемого понятия;

2) деяние *вредоносное* — причиняющее (способное причинить) вред личным и (или) общественным интересам, социальным отношениям, возникающим и функционирующим в сфере взаимодействия общества и природы. Данное свойство, раскрывая внутреннюю природу конкретного факта нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и воплощая в себе характеристику его социальной сущности, предстает в виде его *материального* признака;

3) деяние *виновное* — предполагающее определенное психическое отношение деликтоспособного физического лица к совершенному им действию (бездействию) и наступившим последствиям либо непринятие юридическим лицом всех зависящих от него мер по соблюдению надлежащего поведения, необходимых при той степени заботливости и осмотрительности, которая требо-

валась в конкретных условиях, при наличии соответствующей возможности. Подобное свойство логично рассматривать в качестве *субъективно-го* признака экологического правонарушения;

4) деяние *противоправное* — запрещенное правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности. Означенное обстоятельство, характеризуя *формальный (юридический)* признак изучаемого понятия, обуславливает его комплексную правовую природу.

В свою очередь, экологическая направленность виновно совершенного вредоносного противоправного деяния определяется сочетанием следующих факторов:

а) посягательством на специфический объект — *экологические отношения и интересы*. Они проявляются в объективной действительности в виде устойчивой системы социальных связей субъектов, возникающих на основе их стремления к сохранению и восстановлению благоприятного качественного состояния окружающей среды [6];

б) причинением *вреда окружающей среде* (отдельным ее составляющим) либо существованием *реальной угрозы* его наступления. Именно факт наличия вреда окружающей среде или существования реальной угрозы наступления такового как объективное проявление неблагоприятных последствий деяния, запрещаемого правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности, свидетельствует о совершении правонарушения в области охраны окружающей среды (экологического правонарушения) [7].

Вредоносность рассматриваемой разновидности противоправного поведения в первую очередь обуславливается посягательством на специфическую область социальных отношений, личных и общественных интересов, а также наступлением негативных последствий определенного характера и содержания. Применительно к нарушениям законодательства в области охраны окружающей среды представляется логичным и обоснованным вывод о том, что их социальная сущность заключается в умалении экологических интересов личности или общества, которое предполагает наличие либо потенциально возможное ухудшение условий жизнедеятельности отдельных граждан, общества в целом в результате изменения параметров благоприятного состояния окружающей среды [8]. Это предопределяется количественными и качественными потерями в окружающей человека среде обитания. Они проявляются в загрязнении окружающей среды, отдельных природных компонентов, в их повреждении или уничтожении, в истощении природной среды и разрушении экологических связей между ее

компонентами. Что интересно, одна из наиболее характерных специфических особенностей практического аспекта анализируемой категории заключается в существенном повышении степени вредоносности последствий негативно-го воздействия на интересы, отношения, возникающие и функционирующие в сфере взаимодействия общества и природы.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» в качестве важнейшей составляющей последней характеризует природную среду (природу), которую образует совокупность отдельных ее компонентов, а также природных и природно-антропогенных объектов. При этом она выступает в роли своеобразного интегрированного предмета экологического правонарушения. Такой вывод логически обусловлен тем, что различные элементы природной среды находятся в органической взаимосвязи и постоянном взаимодействии, образуя единую систему. Соответственно, причинение вреда одной из ее частей неизбежно отражается на состоянии всей системы в целом. Вполне очевидно, что вред, причиняемый какому-либо компоненту природной среды, природному или природно-антропогенному объекту, правомерно рассматривать как форму проявления вреда самой природе.

В свою очередь, негативные изменения в качественном состоянии природной среды способны оказать отрицательное воздействие на иные охраняемые законодательством РФ блага, интересы, в том числе такие, которые обладают повышенной социальной ценностью (в частности, на жизнь и здоровье людей). Таким образом, в содержании вреда как совокупности неблагоприятных последствий экологического правонарушения следует выделять вред первичного и вторичного происхождения [9]. Применительно к рассматриваемой разновидности противоправных деяний вред жизни и здоровью будет иметь производный характер, поскольку он обусловлен причинением вреда природной среде.

Следовательно, жизненно важные интересы человека надлежит квалифицировать в качестве *дополнительного объекта* правонарушений в области охраны окружающей среды (в составах, имеющих сложные — двуобъектные — конструкции). В то же время психическое отношение субъекта экологически негативного противоправного поведения к означенным последствиям предполагает исключительно неосторожную форму его вины. Данная позиция представляется единственно верной, поскольку *умышленное причинение вреда охраняемым эколого-правовыми нормами интересам, которые характеризуются повышенной социальной ценностью, не охватывается*

содержанием понятия экологического правонарушения и выходит за его рамки, требуя дополнительной юридической оценки таких последствий.

В принципе, вредоносный характер акта экологически негативной поведенческой деятельности определяется всем содержанием противоправного деяния, что призвана отражать совокупность признаков его состава. Наиболее высокая степень вредоносности означенного поведения указывает на его общественную опасность, которая присуща исключительно преступлениям [10]. По всей видимости, опасность посягательств на интересы, отношения, возникающие и функционирующие в сфере взаимодействия общества и природы, заключается в причинении им достаточно серьезного вреда, нарушающего условия существования данных отношений и содержащего угрозу уничтожения соответствующей системы социальных связей, интересов субъектов. Это позволяет сделать вывод, что об общественной

опасности нарушений законодательства в области охраны окружающей среды наиболее наглядно свидетельствует факт наличия вреда жизни или здоровью человека либо существования реальной угрозы его наступления. Вместе с тем применительно к рассматриваемой разновидности противоправных деяний необходимо еще раз отметить, что последствия такого рода возможны только в результате причинения ущерба природной среде (отдельным ее компонентам). Анализ конструкций составов экологических преступлений в целом подтверждает данный вывод.

Именно на современном этапе развития учения о правонарушении означенные положения представляются наиболее рациональными и обоснованными. Составляя своеобразный теоретический фундамент концепции экологического правонарушения, они одновременно раскрывают его социальную сущность и специфические особенности правовой природы.

1. См., напр.: *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М., 1983. С. 278; *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка*. М., 1999. С. 293.

2. См., напр.: *Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь*. Кишинев, 1989. С. 363; *Экология. Юридический энциклопедический словарь* / под ред. С. А. Боголюбова. М., 2000. С. 408.

3. См.: *Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для высших юридических учебных заведений*. М., 1999. С. 55.

4. См.: *ВСНД и ВС РФ*. 1992. № 10. Ст. 457.

5. См.: *СЗ РФ*. 2002. № 2. Ст. 133.

6. См., напр.: *Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность*. М., 1985. С. 58; *Общая теория государства и права : академ. курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко*. Т. 3. М., 2001. С. 219.

7. См.: *Петров В. В. Экологическое право России : учебник для вузов*. М., 1995. С. 271.

8. См.: *Дубовик О. Л. Механизм действия права в охране окружающей среды*. М., 1984. С. 105.

9. См.: *Петров В. В. Указ. соч.* С. 332.

10. См., напр.: *Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Общая часть: Учение о преступлении* / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 135, 156; *Шемшученко Ю. С. Правовые проблемы экологии*. Киев, 1989. С. 152–153.

УДК 364–785.14

С. А. Борсученко
S. A. Borsuchenko

Социальная адаптация осужденных и меры по ее обеспечению: международные рекомендации

Social Adaptation of Convicts and Measures to Ensure that: International Recommendations

В статье анализируются нормы европейских документов, направленные на социальную адаптацию осужденных и их последующую реинтеграцию в общество.

The paper analyzes the rules of the European documents aimed at social adaptation of convicts and their subsequent reintegration into society.

Тюрьма; осужденные; социальная адаптация; режим; пробация

Prison; convicts; social adaptation; mode; probation

Отрицательные эффекты наказания в виде лишения свободы не позволяют его рассматривать в качестве универсального средства борьбы с преступностью.

Уже во второй половине XVIII в. во многих развитых странах мира применение тюремного заключения, особенно на короткий срок (наказание в виде ареста), подверглось резкой критике за неспособность решить главную задачу лишения свободы по социальной реабилитации и исправлению правонарушителей. Результатом обеспечения мирового сообщества на современном этапе стало появление специальных международных стандартов, посвященных обращению с правонарушителями в местах заключения и правовым санкциям, альтернативным тюремному заключению.

Так, в ч. 1 Европейских тюремных правил (далее — ЕТП) (см. рекомендацию Комитета министров № Рес (2006) 2 государствам — членам Совета Европы, касающуюся Европейских тюрем-

ных правил, принятую Комитетом министров 11 января 2006 г. на 952-й встрече постоянных представителей министров) [1] сформулированы принципы, обязательные для всех видов исправительных учреждений:

- уважение прав человека;
- обеспечение субъективных прав, в которых заключенные не ограничены в соответствии с законом;
- обеспечение правоограничений, минимально необходимых и достаточных для достижения целей, которые преследуются в процессе исполнения наказания;
- создание таких условий содержания, которые бы не нарушали прав человека даже при отсутствии материальных и финансовых возможностей;
- создание условий, максимально приближенных к жизни на свободе;
- способствование возвращению правонарушителя в общество;

- сотрудничество с государственными социальными службами и привлечение общественности к оказанию помощи в организации жизни тюрьмы;

- осознание общественной значимости функций, выполняемых сотрудниками тюрем, организация подбора, расстановки и обучения кадров, обеспечение условий их работы, которые бы позволяли им выполнять свои обязанности на высоком профессиональном уровне;

- осуществление регулярного государственного контроля и проведение независимого мониторинга.

В п. 25.2 ЕТП содержится рекомендация о том, что заключенные должны проводить как можно больше времени вне камер с тем, чтобы обеспечить им достаточный уровень контактов с внешним миром.

В п. 107.2 рекомендовано обеспечить постепенный переход заключенного к жизни на свободе, особенно это касается осужденных к продолжительным срокам лишения свободы. Этот постепенный переход обеспечивается, в частности, за счет перевода заключенных из тюрем максимального уровня безопасности в тюрьмы с менее жестким режимом содержания, вплоть до открытых.

Европейское законодательство предоставляет такую возможность даже осужденным к пожизненному лишению свободы. Так, п. 10 Рекомендации № Rec (2003) 23 Комитета министров Совета Европы «Об осуществлении исполнения наказания в виде пожизненного заключения и других длительных сроков заключения администрациями мест лишения свободы» (принята 9 октября 2003 г. на 855-м заседании представителей министров) [2] предусматривает поэтапное продвижение заключенного по тюремной системе — от более строгих до менее строгих условий содержания, а в идеале, на конечном этапе, в открытых условия.

Следует отметить, что воспитательная, социальная и психологическая работа с заключенными, а также труд и получение образования во всех европейских документах, а также в национальных законодательствах и в пенитенциарной практике обозначается единым термином «режим».

В ЕТП это направление деятельности прописано в двух разделах: «Режим в тюрьме» (п. 25.1–25.4) и «Цели режима» (п. 102.1–103.8).

Сразу после приема в учреждение составляется доклад о личности заключенного, предполагаемый план отбывания им наказания и подготовки к освобождению.

Согласно п. 103.3 ЕТП заключенные должны поощряться к участию в разработке плана отбывания наказания.

Подобные планы, насколько это возможно, включают трудовую деятельность, обучение, иные занятия, а также подготовку к освобождению.

Система предоставления заключенным отпусков также является неотъемлемой частью режима (п. 103.6).

Те заключенные, которые дают соответствующее согласие, могут принимать участие в программах восстановительного правосудия и возмещения ущерба (п. 103.7).

Такой аспект режима, как восстановительное правосудие, отражен в Рекомендации № R (99) 19 Комитета министров государствам — членам Совета Европы, посвященной медиации в уголовных делах [3]. В соответствии с данным документом под медиацией понимается любой процесс, в котором потерпевший и преступник имеют возможность по желанию активно участвовать в решении проблем, возникших в связи с совершением преступления, с помощью независимой третьей стороны (медиатора). Медиацию и другие средства восстановительного правосудия возможно применять на всех этапах уголовного судопроизводства, в том числе и на стадии исполнения приговора.

Обучению осужденных как элементу режима во всех видах учреждений придается большое значение. Европейские тюремные правила содержат ряд рекомендаций по организации этой работы:

- каждое исправительное учреждение обязано изыскивать возможности для обеспечения всех заключенных доступом к всесторонним образовательным программам, отвечающим индивидуальным потребностям заключенных с учетом их пожеланий и стремлений (п. 28.1);

- приоритет отдается заключенным, не умеющим читать и писать, и тем, у кого отсутствует среднее или среднее профессионально-техническое образование (п. 28.2);

- особое внимание уделяется образованию молодых заключенных и заключенных с ограниченными возможностями (п. 28.3);

- в тюремном режиме образованию придается такое же значение, как и трудовой деятельности, и заключенных нельзя ставить в невыгодные финансовые или иные условия в связи с получением образования (п. 28.4);

- каждое исправительное учреждение должно иметь библиотеку, которой могут пользоваться все заключенные. Библиотека комплектуется достаточным количеством как развлекательных, так и образовательных источников, книг и иных средств получения информации (п. 28.5);

- по мере возможности тюремная библиотека должна работать в тесном контакте с государственной или общественной библиотечной системой (п. 28.6);

- обучение заключенных должно быть интегрировано в государственную систему общего и профессионального образования, с тем чтобы после освобождения заключенные могли продолжить получение общего и профессионально-технического образования; а также должно опираться на поддержку образовательных учреждений вне тюремной системы (п. 28.7).

Труд заключенных в полуоткрытых и открытых тюрьмах также должен быть организован в соответствии с рекомендациями ЕТП:

- труд в тюрьме рассматривается как положительный элемент режима содержания и не должен применяться в качестве наказания (п. 26.1);

- тюремная администрация должна делать все возможное, чтобы предоставить достаточный объем работы полезного характера (п. 26.2);

- по возможности, предоставляемая работа должна позволить заключенному сохранить или увеличить уровень заработка после освобождения, а также способствовать повышению квалификации (п. 26.3);

- при предоставлении работы не должно быть никакой дискриминации по признаку пола (п. 26.4);

- работа, которая предполагает наличие профессионально-технического образования, предоставляется заключенным, имеющим возможность извлечь из нее пользу, особенно для молодых заключенных (п. 26.5);

- заключенным разрешается выбирать вид работы, которую они желают выполнять, в пределах возможности учреждения, требований профессиональной компетентности, а также с точки зрения обеспечения порядка и дисциплины;

- организация и методы работы в исправительных учреждениях должны соответствовать организации и методам работы в обществе для того, чтобы подготовить заключенных к условиям обычной профессиональной деятельности (п. 26.7);

- интересы заключенных не должны быть подчинены цели получения прибыли от производственной деятельности пенитенциарных учреждений, несмотря на то, что это может быть полезным с точки зрения повышения уровня, а также качества и целесообразности профессиональной подготовки (п. 26.8);

- работа заключенным предоставляется тюремной администрацией самостоятельно или в сотрудничестве с частными подрядчиками на территории учреждения и за его пределами (п. 26.9);

- заключенные должны получать за свой труд справедливое вознаграждение (п. 26.10);

- заключенные должны иметь возможность расходовать часть своих заработанных средств на приобретение разрешенных предметов для

личного пользования и посылать часть своих заработков семьям (п. 26.11);

- следует поощрять заключенных к экономии части своих заработков, которая передается им в момент освобождения или используется для других разрешенных целей (п. 26.12);

- правила безопасности труда и охраны здоровья заключенных должны быть такими же, которые применяются вне тюрьмы (п. 26.13);

- должны предприниматься меры для страхования заключенных от производственных травм, включая профессиональные заболевания, на условиях не менее выгодных чем те, которые предоставляются работникам вне тюрьмы (п. 26.14);

- максимальная продолжительность рабочего дня и рабочей недели заключенных устанавливается в соответствии с местными правилами или обычаями, регулируемыми трудовым распорядком свободных работников (п. 26.15);

- заключенным должно быть предоставлено не менее одного выходного дня в неделю и достаточно времени для получения образования и других видов деятельности (п. 26.16);

- работающие заключенные по мере возможности должны быть включены в национальную систему социального обеспечения (п. 26.17).

В Комментариях к Европейским тюремным правилам [4] особенно подчеркивается, что не допускается эксплуатация труда заключенных.

Таким образом, международные рекомендации предлагают меры, направленные на социальную адаптацию осужденных в условиях изоляции и их последующую реинтеграцию в общество.

Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) [5], принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110, указывают на то, что альтернативы тюремному заключению могут быть эффективными средствами обращения с правонарушителями в обществе как в интересах правонарушителей, так и общества.

Ориентиры ресоциализации правонарушителей наглядно выражены в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (92) 16, касающейся Европейских правил об общественных санкциях и мерах, принятой 19 октября 1992 г. [6].

20 января 2010 г. Комитетом министров Совета Европы была принята Рекомендация № CM/Rec (2010) 1 государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации [7]. Следует учитывать, что на Россию теперь будет оказано политическое давление с целью приведения законодательства и правоприменительной практики по исполнению наказаний без изоляции осужденных

от общества в соответствии с европейскими стандартами. Но, на наш взгляд, у России есть и свои национальные интересы, поскольку реформирование уголовно-исполнительной системы, ее социальная переориентация невозможны без введения в систему наказаний probation.

По мнению авторитетного шведского криминолога У. Бундесон: «Появление таких мер, как условное осуждение и probation, следует рассматривать на фоне современного общества. Они являются звеном общего развития и означают отход от традиционной карающей и репрессивной системы. Считается, что самая важная цель уголовной политики — реабилитация правонарушителя, достичь ее стараются рациональными средствами» [8].

Probation является наказанием, при котором осужденный обязан выполнять определенные, установленные судом условия, проживая при этом у себя дома. Выполнять условия probation осуж-

денным помогают сотрудники службы probation путем постоянного консультирования, наблюдения (надзора), а также предоставления различного рода необходимой информации и оказания социальной помощи.

Несмотря на большое разнообразие функций службы probation и наличие практических трудностей в их осуществлении, probation можно считать достаточно эффективной альтернативой тюремному заключению, получившей широкое распространение в мире. Социальная ценность probation является бесспорной, поэтому существует реальная необходимость внедрения ее в российскую практику. Очевидно, что введение probation в российскую уголовно-исполнительную систему потребует не больших финансовых затрат, чем строительство новых исправительных учреждений (тем более тюрем). От этого выиграет все общество, правда, в долгосрочной перспективе. Probation — это шаг к снижению уровня рецидивной преступности.

1. См.: *Российское уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2010. С. 288–343.*

2. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. См.: *Медиатор: внесудебные процедуры — альтернативное урегулирование споров — примирение сторон : сайт. URL : http://mosmediator.narod.ru/mezhdunarodnie_akti/rekomendatsiya_r_99_19_komiteta_ministrov_soveta_evropi_ot_150999_po_mediatsii_v_ugolovnih_delah/ (дата обращения: 27.11.2012).*

4. См.: *Российское уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. С. 301.*

5. См.: *Уголовно-исполнительное право : сб. нормативных актов / сост. П. Г. Пономарев, В. С. Радкевич, В. И. Селиверстов. М., 1997. С. 91–105.*

6. См.: *Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов / пер. с англ. ; под ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2008. С. 186–206.*

7. См.: *Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Сборник документов Совета Европы / сост. и пер. В. Б. Первозванский, Н. Б. Хуторская. М., 2011. С. 113–135.*

8. Бундесон У. *Надзор за отбывающими наказание на свободе. М., 1979. С. 48.*

УДК 343.156.6

Д. Х. Гехова
D. K. Gekhova

История кассационного производства в российском уголовном процессе

History of Cassation Instance in the Russian Criminal Trial

В статье подробно освещается формирование кассации в России как формы обжалования судебных решений. Описывается формирование кассационной инстанции с момента ее зарождения до настоящего времени (без учета изменений и дополнений УПК, которые вступят в действие с 1 января 2013 г.).

Уголовный процесс; судопроизводство; кассационное производство; приговор; право на обжалование

The article relates to the issue of formation of court of cassation instance in the Russian Federation as a form of appeal against courts decisions. It also describes the formation of cassation instance from the very beginning till present (without amendments, which will come into effect from 1 January 2013).

Criminal procedure; trial; cassation; sentence; the right to appeal

Кассация в России сформировалась в условиях абсолютистского государства в результате Судебной реформы 1864 г., когда правительство Александра II с целью сохранения самодержавия пошло на уступки, введя в российскую государственность такой элемент конституционного строя, как самостоятельная и независимая судебная власть. Характерные для российского права этого периода крайние недостатки уголовного процесса, вытекавшие из смешения властей, многочисленности инстанций, негласности и инквизиционного порядка, стали сознаваться не только обществом, но и правительством. В связи с этим на смену сословным судам, делавшим судебную систему в России сложной и запутанной, пришли новые суды, а для пересмотра окончательных приговоров предусматривалась доселе неизвестная русскому уголовному процессу кассация (для пересмотра постановлений и опреде-

лений устанавливалось частное обжалование). Юридическим оформлением Судебной реформы явились следующие законодательные акты: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Составители уставов исходили из того, что одна апелляция не сможет оградить тяжущихся и подсудимых от нарушений закона, и желали создать инстанцию, которая не рассматривает дело по существу, а только проверяет правильность применения закона нижестоящими судами. При этом составители хорошо понимали, что невозможно обеспечивать единообразное толкование закона при сосредоточении ее в нескольких органах, ясно представляли, что нельзя объединять в одних руках две власти: апелляционную и кассационную, в таком случае «палата сама устанавливала бы

в кассационном порядке смысл тех законов, которые она применяла бы в апелляционном порядке к окончательному решению дел» [1].

Учреждением судебных установлений реформировалась система судоустройства и судопроизводства, предусматривалось создание мировых и общих судебных установлений (судов). Мировыми установлениями являлись волостные суды, мировые судьи, как участковые, так и почетные, и съезды мировых судей. К общим судебным местам относились окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов, судебные палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей, и кассационные департаменты Правительствующего Сената. При подготовке уставов авторы Судебной реформы учитывали германский опыт и, сознавая целостность и единство механизма судопроизводства и судоустройства, исходили из понимания, что кассационное разбирательство, призванное к установлению единообразного толкования закона, должно сосредоточиваться в лице одного высшего органа, поэтому образованные в судебной системе две ветви: суды мировые и общие — замыкались на одной верховной инстанции — Правительствующем Сенате в лице его кассационных департаментов, который наделялся правами суда кассационной инстанции. Лишь по незначительным делам правами суда кассационной инстанции наделялся мировой или уездный суд. Кассация в интересах закона не нашла места в Уставе уголовного судопроизводства.

Департаменты Сената являлись кассационными органами для всех местных и общих судов России и были вправе рассматривать любое дело, решенное в низших инстанциях с нарушением установленного порядка. Являясь единственной кассационной инстанцией, они были призваны служить опорой законодателю, обеспечивать единство судебной практики и охранять правила и обряды судопроизводства.

Власть образованных судов распространялась на все сферы, кроме тех, где действовала юрисдикция духовных, военных, коммерческих, крестьянских и инородческих судов, в которых сохранились пережитки сословности. Вместе с тем разделение судов на общие и местные не способствовало унификации судебной системы.

Исследователи отмечали в новом уголовном процессе много сходного с английским и особенно французским уголовным процессом, а также то, что он выработан лучшими представителями европейской культуры. В то же время они подчеркивали, что на каждом из уставов «лежит печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную, русскую физиономию, приносив-

шую к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий» [2], они устраняют медлительность судопроизводства, что ведет к уменьшению числа судебных инстанций, значительному сокращению движения дел [3].

Кассационный порядок обжалования, как и апелляционный, в российском законодательстве рассматривался как обыкновенный способ обжалования приговоров, не вступивших в законную силу. Если апелляционный порядок применялся к обжалованию неокончательных приговоров, то кассационный — к обжалованию только окончательных приговоров.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. была воспринята французская идея рассмотрения дела по существу в двух инстанциях, за исключением рассмотрения дел с участием присяжных, где разбирательство дела по существу ограничивалось одной инстанцией. Кассация по Уставу представляла собой пересмотр уголовного приговора по вопросам права и не затрагивала вопросов правильности установления фактических обстоятельств дела. Ее задача состояла в ограждении законности и деятельности судебных мест по существу устранением приговора, такому условию не отвечающих, однако кассационный суд вместо устраняемого приговора не постановлял своего приговора, «ограничиваясь передачей дела в другой суд для разрешения его согласно преподанным им указаниям или оставлением жалобы без последствий» [4]. Правом обжалования приговора в кассационном порядке наделялись стороны: обвинитель публичный или частный, обвиняемый, гражданский истец и гражданский ответчик, — причем обжалование допускалось только в интересах жалующейся стороны. Жалоба должна была содержать требования, на которых настаивает сторона, поэтому устанавливались пределы прав суда кассационной инстанции, который был связан доводами кассационной жалобы.

Жалоба могла подаваться в письменной или устной форме (в последнем случае она заносилась в протокол судебного заседания) в суд, вынесший обжалуемое решение.

Предметом кассационного разбирательства служил окончательный приговор, не вступивший в законную силу, обжалованный в апелляционном порядке или не подлежащий апелляционному обжалованию. Несмотря на то что дело могло поступать на рассмотрение кассационного суда неоднократно, каждый новый окончательный приговор мог подлежать кассационному рассмотрению только единожды.

Кассационный суд не решал вопросов по существу дела, судебное следствие им не прово-

дилось, участие сторон не устанавливалось обязательным, за исключением участия прокурора, поэтому порядок производства представлялся несложным. Его несложность обуславливалась «не только свойствами кассационных функций, но и тем, что при кассационном порядке рассмотрения дел не применялся институт защиты по назначению, представители же сторон, уполномочиваемые самими сторонами, являлись в Сенат лишь в исключительных случаях» [5]. Слушание начиналось в публичном заседании докладом одного из сенаторов, затем выслушивались стороны, если они присутствовали, после чего со своим заключением выступал прокурор. Решения кассационного суда преследовали цель правильного разрешения конкретного дела и провозглашались публично. Рассмотрев жалобу, Сенат был вправе:

- 1) оставить жалобу без рассмотрения;
- 2) рассмотреть жалобу и оставить ее без последствий;
- 3) рассмотреть жалобу и отменить приговор, при этом отменить все производство по делу, отменить приговор в полном объеме или отменить его в части.

При отмене приговора в полном объеме указания кассационного суда, связанные с толкованием закона, были обязательны для суда первой инстанции.

В ходе практической реализации Устава уголовного судопроизводства выяснилось несоответствие нового суда абсолютистской форме правления государства. Суд в своем развитии опережал основные политические институты самодержавия, не выполнял той роли, которая ему отводилась, и перестал быть элементом карательной системы.

Идеальные в теории нормы и принципы уставов не применялись, как задумывалось, а то и вовсе искажались. Кроме того, реформы затянулись на неопределенный срок, особенно на необъятных окраинах России, допускались отступления от заложенных в уставах принципов и демократических начал. Это и неудивительно, поскольку преобразования были проведены в государстве с отсталой формой правления, стране, только что освободившейся от крепостного права, пережитки которого сохранялись и в экономике, и в сознании людей, где оставался сословный строй с его привилегиями и ограничениями, а радикализм Судебной реформы в числе других факторов определялся необходимостью обеспечения экономического развития страны с помощью демократизации судопроизводства. Соответственно, уже в 70-е гг. XIX в. наметились тенденции контрреформирования, когда принципы и институты судопроизводства и судопроизводства стали меняться настолько, насколько они обеспечивали защиту самодержавия в ходе уголовного судопроизводства, а впоследствии и нейтрализовываться с помощью различных административных уловок.

С приходом советской власти состояние судопроизводства и судопроизводства, которое было достигнуто в результате Судебной реформы 1864 г. и, по общему признанию дореволюционных исследователей, опережало развитие других государственных институтов, было разрушено. Концепция самостоятельной и независимой судебной власти отрицалась, демократическая направленность уставов 1864 г. недооценивалась, накопленный опыт дореволюционных преобразований не воспринимался. Создавалась новая судебная система, содержание которой составляли иные принципы и иные институты. Однако существовавшая система судебных органов не сразу претерпела коренные изменения, поначалу суды функционировали на основе ранее сложившихся форм судопроизводства и судопроизводства.

Новая судебная система складывалась в нарушение принципа правопреемства, поэтому суды формировались спонтанно, с игнорированием основных принципов судебной деятельности. Как отмечают исследователи, «казуистика дореволюционных юристов была слишком сложной в условиях новой советской действительности, где поначалу в качестве основного источника права признавалось революционное правосознание. Наследие, оставленное революционными исследователями пореформенного суда, было надолго предано забвению» [6].

Первыми законодательными актами советской власти (декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [7], декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» [8], декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О суде» [9]) ранее существовавшие общие судебные установления были полностью упразднены. Если местные суды еще обязывались решать дела именем Российской республики и руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, поскольку не были отменены революцией, то апелляция система обжалования отменялась. Приговоры и решения местных судов объявлялись окончательными, однако по делам, по которым присуждалось денежное взыскание свыше 100 руб. или лишение свободы свыше семи дней, допускалась просьба о кассации.

Кассация сохранялась формально, в качестве суда кассационной инстанции учреждались новые органы, для местных органов — уездные, а для столичных — столичные съезды местных судей, для окружных судов — областные народные

суды; предпринималась попытка организовать кассационный суд в Москве в качестве суда второй инстанции для окружных судов. В целях обеспечения единства судебной практики предусматривалось создание Верховного судебного контроля, на который в случаях противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями возлагалась обязанность выносить объединяющие принципиальные решения, обязательные для кассационных инстанций. Однако ни те ни другие кассационные органы так не были созданы.

С принятием декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» [10] был положен конец раздвоению юстиции на общую и местную. В качестве кассационной инстанции и органа судебного контроля для народных судов устанавливался губернский совет народных судей.

Одновременно с народными судами в стране функционировали революционные трибуналы, которые создавались для подавления сопротивления свергнутых классов и обороны страны. Это была целая система трибунальских органов во главе с Верховным трибуналом при ВЦИК, который учреждался в качестве единой кассационной инстанции и органа надзора для всех действующих на территории РСФСР трибуналов. Однако централизованная система революционных трибуналов не была связана с системой народных судов, так как в качестве кассационной инстанции в них выступали различные судебные органы, что не способствовало единообразию судебной практики.

По реформе 1922 г. существующая судебная система была реорганизована. Положением о судеустройстве РСФСР, утвержденным постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. [11], вводилась трехступенчатая система судебных органов в составе народных судов, губернских судов и Верховного Суда РСФСР, который создавался взамен Верховного трибунала. Фактически это Положение заложило основы ныне действующей судебной системы РФ. Губернские суды помимо судебного управления и судебного надзора за народными судами наделялись правами суда кассационной инстанции в отношении нижестоящих судов.

Высшим судебным органом для всех судов утверждался Верховный Суд РСФСР, который осуществлял судебный надзор за всеми судами, рассматривал дела в качестве суда первой и кассационной инстанций, решал вопросы судебного управления, а действующий в его составе Пленум наделялся правом толкования законодательства по вопросам судебной практики.

Образование СССР способствовало дальнейшему совершенствованию судебной системы РСФСР. По Положению о судеустройстве РСФСР, утвержденному постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. [12], разработанному в соответствии с Основами судеустройства Союза ССР и союзных республик, утвержденными постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. [13], судебная система включала народные суды, губернские суды в губерниях, в областях и краях — окружные суды и соответственно областные и краевые суды, а также Верховный Суд РСФСР. Согласно данному Положению областные и краевые суды не наделялись правами суда кассационной инстанции в отношении окружных судов, на них возлагалось рассмотрение наиболее сложных дел и судебное управление окружными судами, а через них и народными судами. Только позже на короткое время они приобрели права суда кассационной инстанции в отношении окружных судов. В связи с ликвидацией губерний в 1928 г. и округов в 1930 г. были упразднены соответственно губернские и окружные суды.

Конституция СССР 1936 г. [14] отнесла законодательство в области судеустройства к ведению Союза ССР в лице его высших органов власти, в связи с чем в 1938 г. был принят единый общесоюзный закон — Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» [15], который заменил действующие общесоюзные Основы и республиканские положения о судеустройстве. Новый закон изъясил функции судебного надзора у областных и равных им судов, в которых были упразднены президиумы и пленумы. Функции судебного надзора были закреплены за Верховным Судом СССР и верховными судами союзных республик. Позднее Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. [16] в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей были образованы президиумы, на которые возлагалось рассмотрение дел в порядке надзора, что оказало значительное влияние на руководство народных судов этими судами и ускорило надзорный пересмотр дел.

В соответствии с Основами законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, утвержденными Законом СССР от 25 декабря 1958 г. [17], был принят Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «О судеустройстве РСФСР» [18], который учитывал административно-территориальные особенности республики и устанавливал трехступенчатую судебную систему из Верховного Суда РСФСР, верховных судов автономных республик, краевых, областных и город-

ских судов, судов автономных областей и национальных округов (далее — областных и равных им судов), районных (городских) народных судов, в которой различались суды первой, второй (кассационной) и надзорной инстанций. В соответствии с Основами законодательства Союза ССР, союзных и автономных республик в СССР были организованы действующие на основании Положения о военных трибуналах, утвержденного Законом СССР от 25 декабря 1958 г. [19], военные трибуналы, которые являлись общесоюзными, поэтому в настоящей статье их деятельность в качестве суда кассационной инстанции не рассматривается. Правами суда кассационной инстанции наделялись верховные суды автономных республик, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей и национальных округов и Верховный Суд РСФСР, которые также обладали правом рассмотрения дел в качестве суда первой инстанции и в надзорном порядке. Кассационное разбирательство по уголовным делам в областных и равных им судах осуществлялось судебными коллегиями по уголовным делам, которые рассматривали кассационные и частные жалобы и протесты, принесенные соответственно сторонами или прокуратурой, на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления народных судов. При этом кассационные определения вступали в законную силу немедленно и могли быть опротестованы и проверены только в порядке надзора в президиуме краевого и соответствующего суда.

Кассационное разбирательство по уголовным делам в Верховном Суде РСФСР осуществляла Судебная коллегия по уголовным делам, которая рассматривала жалобы и протесты на не вступившие в законную силу решения, приговоры и определения, вынесенные судебными коллегиями по уголовным делам областных и равных им судов. При этом Судебная коллегия наделялась и правами суда первой и надзорной инстанций.

Таким образом, в судах одного звена наблюдалось существование нескольких инстанций.

В период действия советского законодательства кассационное производство претерпевало различные изменения, результатом чего явилась форма, сочетавшая в себе элементы апелляции и кассации с сохранением названия «кассационное производство». Это производство сформировалось с ярко выраженным публичным началом и с ограниченными возможностями использования при рассмотрении дела в кассационном порядке состязательности и равенства сторон.

Кассационный пересмотр приговоров и иных решений в РСФСР являлся основным видом су-

дебного надзора за деятельностью нижестоящих судов. С указанной задачей была связана и другая — руководство вышестоящим судом деятельностью нижестоящих судов, систематическое процессуальное руководство деятельностью суда первой инстанции, обеспечение единства судебной практики и единообразного понимания и применения законов и охрана прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Для советской кассации был характерен деволютивный порядок обжалования, когда подача жалобы или протеста обязывала суд кассационной инстанции рассмотреть их независимо от того, правильными ли представляются изложенные в них доводы, установить, правосуден ли приговор, и дать мотивированный ответ на каждый довод жалобы, а также принять меры к устранению нарушений прав и охраняемых законом интересов личности (подсудимого, оправданного, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), обеспечению законности и обоснованности обжалованного решения. При этом УПК РСФСР [20] не устанавливал каких-либо требований к форме кассационной жалобы. Суд кассационной инстанции наделялся правом проверки приговора в связи с жалобой (протестом), а не в пределах жалобы (протеста), в целом, а не в части, как это делает УПК [21], рассматривать дело в полном объеме и в отношении всех осужденных — как обжаловавших, так и не обжаловавших приговор или в отношении которых не принесен протест (ст. 332 УПК РСФСР), т. е. в ревизионном порядке.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливал для суда кассационной инстанции запрет преобразования к худшему в отношении основных для осужденного (оправданного) решений, принимаемых в приговоре: уголовно-правовой квалификации, меры наказания, фактической стороны обвинения, условий отмены оправдательного приговора (ст. 340, 341, 350, 353). В то же время участники процесса и прокурор наделялись правом представления суду новых материалов, которые в интересах ревизионной проверки могли быть затребованы и самой кассационной инстанцией (ст. 337 УПК РСФСР).

Кассационное производство по УПК РСФСР заключалось в том, что вышестоящий суд по жалобам сторон на основании имеющихся в деле и дополнительно представленных материалов проверял законность и обоснованность приговоров, определений и постановлений суда, не вступивших в законную силу, проверяя не только правильное применение уголовного и уголовно-процессуального закона, но и установление фактических обстоятельств дела, а также в некоторых

случаях окончательно разрешая уголовное дело — изменяя приговор или прекращая дело. Кроме того, в отличие от УПК (без учета изменений, которые предусмотрены Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [22] и вступят в законную силу с 1 января 2013 г.) УПК РСФСР устанавливал такое основание для отмены приговора, как односторонность или неполнота дознания, предварительного следствия и судебного следствия, несмотря на то, что суд кассационной инстанции не наделялся правом проведения судебного следствия. В связи с этим такой суд не мог достоверно судить о всесторонности и полноте проведенного исследования. Изложенное указывает на смешанную кассацию, где черты кассационного производства переплетались с существенными элементами апелляции. Здесь

мы не наблюдаем единства кассационной инстанции, в таком качестве в РСФСР мог выступать суд не только высшего звена, но и среднего.

Таким образом, российскому законодательству известны «чистая» кассация и кассация смешанная, т. е. с элементами кассации и апелляции, с разделением кассационной власти: в Российской империи — между мировыми и уездными судами и Правительствующим Сенатом; в советский период — между Верховным Судом РСФСР и верховными судами республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных округов, автономных областей, с сосредоточением кассационной власти соответственно в Правительствующем Сенате и Верховном Суде РСФСР, на которые возлагалось установление единообразного толкования закона. Имеющиеся различия в кассационном производстве обусловлены указанными видами кассаций, а многозвенность кассации обуславливалась необходимостью обеспечения близости суда к населению.

-
1. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в. Саратов, 1999. С. 158.
 2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / под ред. А. В. Смирнова. Т. 2. СПб., 1996. С. 44.
 3. См.: Там же. С. 45.
 4. Там же. С. 547.
 5. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса : в 2 ч. Ч. 2: Судопроизводство / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. С. 452.
 6. Немытина М. В. Указ. соч. С. 19.
 7. См.: СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
 8. См.: Там же. 1918. № 26. Ст. 347.
 9. См.: Там же. № 52. Ст. 589.
 10. См.: Там же. № 85. Ст. 889.
 11. См.: Там же. 1922. № 69. Ст. 902.
 12. См.: Там же. 1926. № 85. Ст. 624.
 13. См.: СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.
 14. См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утверждена постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.
 15. См.: ВВС СССР. 1938. № 11.
 16. См.: Там же. 1954. № 17.
 17. См.: Там же. 1958. № 1.
 18. См.: ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 588.
 19. См.: Там же. 1959. № 1. Ст. 14.
 20. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
 21. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
 22. См.: СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

УДК 343.16

И. Н. Кондрат
I. N. Kondrat

**Рассмотрение жалоб прокурором и руководителем
следственного органа в порядке статьи 124
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:
проблемы законодательного регулирования
и правоприменительной практики
досудебного производства по уголовным делам**

**The Consideration of Complaints by the Prosecutor
and the Head of the Board of Investigation in the Order
of Article 124 of the Criminal Procedure Code
of the Russian Federation: the Problems of the Legislative Control
and Law Enforcement Criminal Proceedings Practice**

Статья посвящена изучению проблем законодательного регулирования и правоприменительной практики досудебного производства по уголовным делам, обжалования прокурору и руководителю следственного органа действий (бездействия) и процессуальных решений лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. В рамках статьи предлагаются варианты совершенствования уголовно-процессуального законодательства с позиции соблюдения принципа законности, надлежащей охраны прав и свобод личности.

Принцип законности; досудебное производство по уголовным делам; охрана прав и свобод личности; обжалование действий (бездействия) и процессуальных решений

The article is devoted to the study of the problems of legislative control and pre-court criminal proceedings law enforcement practice and also the appeals to the prosecutor and to the head of the board of investigation the functioning (non-functioning) and proceedings decisions of authorities administering criminal proceedings. The options of improving of legal criminal procedure from a position of the principle of legality and appropriate protection of rights and freedoms of individual.

The principle of legality; pre-court criminal proceedings; protection of rights and freedoms of individual; the appeal of functioning (non-functioning) and procedural decisions

В ст. 7 и 19 УПК [1] закреплены принципы уголовного судопроизводства: законность при производстве по уголовному делу и право на обжалование процессуальных действий и решений.

В соответствии с принципом законности, во-первых, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК. Во-вторых, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта УПК, суд принимает решение в соответствии с уголовно-процессуальным законом. В-третьих, нарушение норм УПК судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства

влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. В-четвертых, определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

В ст. 7 УПК законодатель не включил в число должностных лиц, которые не вправе применять федеральный закон, противоречащий уголовно-процессуальному закону, начальника подразделения дознания и руководителя следственного органа, также являющихся участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения. По нашему мнению, это отрицательно сказывается на охране прав участников уголовного процесса на досудебной стадии.

Нарушение норм УПК начальником подразделения дознания и руководителем следственного органа в ходе уголовного судопроизводства может повлечь признание недопустимыми полученных при этом доказательств, т. е. те же последствия, что и нарушение норм уголовно-процессуального закона судом, прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем.

Не вызывает сомнения и условие, что постановления начальника подразделения дознания и руководителя следственного органа так же должны быть законными, обоснованными и мотивированными, как и определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя.

Рассматривая принцип законности в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, важно акцентировать внимание на Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [2]. В указанном Постановлении рассматривался вопрос о конституционности ч. 1 и 2 ст. 7 УПК, устанавливающих приоритет УПК перед другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами и запрещающих суду, прокурору, следователю, органу дознания, дознавателю применять федеральный закон, противоречащий УПК. По мнению истцов, упомянутые нормы уголовно-процессуального закона не соответствуют предписанию ч. 3 ст. 76 Конституции [3] о недопустимости противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам.

Конституционный Суд РФ в указанном Постановлении отметил, что в Конституции термин «федеральный закон» используется для обозначения всех законов, принимаемых федеральным законодателем. При этом Конституция устанавливает, во-первых, верховенство федеральных конституционных законов по отношению к федеральным законам; во-вторых, недопустимость противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам; в-третьих, прямое действие указанных законов на всей территории России, а также предусматривает особый порядок принятия федеральных конституционных законов.

Уголовно-процессуальный кодекс, являясь федеральным законом, устанавливающим порядок уголовного судопроизводства на территории РФ, не имеет преимуществ перед другими федеральными законами согласно определенной Конституцией иерархии нормативных актов. В отношении федеральных законов как актов оди-

наковой юридической силы применяется правило *lex posterior derogat priori* (в переводе с латинского — «последующий закон отменяет предыдущие»), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Федеральный законодатель в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции, кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет УПК перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений. Уголовно-процессуальный кодекс как систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом и отдельные его части, этапы, стадии, институты с учетом их общих свойств, специфических черт и проявлений, призван обеспечить единообразие и согласованность нормативно-правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики. Этим и обуславливается закрепление приоритета УПК в качестве закона, регулирующего производство по уголовным делам. Такие установления, не нарушая прерогатив федерального законодателя вносить изменения и дополнения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, облегчают работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обзримым и тем самым существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя.

Вместе с тем приоритет УПК перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, поскольку ограничен рамками специального предмета регулирования, которым является порядок уголовного судопроизводства, т. е. порядок производства (досудебного и судебного) по уголовным делам.

Таким образом, Конституционный Суд РФ постановляет, что ч. 1 и 2 ст. 7 УПК не противоречат Конституции, поскольку содержащиеся в них положения о приоритете УПК перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами — по их смыслу в системе действующего правового регулирования — не подразумевают разрешение возможных коллизий между УПК

и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат УПК.

Принцип законности в уголовном судопроизводстве и его подробное разъяснение в данном Постановлении Конституционного Суда РФ играют первостепенную роль в деле обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

В частности, в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4] допускается временное ограничение права на выезд из России лицам, являющимся подозреваемыми или обвиняемыми, до вынесения решения по делу или вступления в законную силу приговора суда. В данном случае, в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, не наблюдается коллизий между УПК и указанным Законом, поскольку последний не содержит собственно правила уголовного судопроизводства. Однако упомянутый Закон ограничивает конституционное право человека в связи с производством по уголовному делу, причем такое ограничение не предусмотрено УПК. В рассматриваемом случае положения Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не противоречат назначению уголовного судопроизводства, а, наоборот, содействуют достижению его задач и целей.

Согласно нормам ст. 19 УПК действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. В данном принципе уголовного судопроизводства реализованы конституционные положения о государственной защите прав и свобод человека и гражданина и о праве обжаловать решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (ст. 45, 46 Конституции).

В соответствии со ст. 123 УПК действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном уголовно-процессуальном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые решения затрагивают их интересы.

Вместе с тем в нормах УПК не регламентировано обжалование действий (бездействия)

и решений начальника подразделения дознания (ст. 40.1 УПК), что явно ставит участников досудебного уголовного судопроизводства по уголовным делам, расследуемым в форме дознания, в неравные условия.

Однако участник уголовного процесса в ходе досудебного производства вправе обжаловать действия (бездействие) и решения начальника подразделения дознания, который не назван в ст. 19 УПК, хотя он и рассматривает сообщения о преступлении, принимает решения об отказе в приеме сообщения о преступлении, о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 40.1 УПК).

В ст. 123 УПК законодателем уже предусмотрено право обжалования действий (бездействия) и решений начальника подразделения дознания, но при этом в ст. 124 определен порядок рассмотрения жалобы только прокурором и руководителем следственного органа.

Представляется необоснованным исключение начальника подразделения дознания из числа должностных лиц, имеющих право рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя.

Свобода обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц и органов, осуществляющих производство по уголовному делу, позволяет участникам уголовного процесса в полной мере реализовывать свои процессуальные права, способствует обнаружению и устранению нарушений и ошибок, допущенных в процессе производства по уголовному делу. В связи с этим «разъяснение права на обжалование в числе других прав и обязанностей должно осуществляться в начальный момент вовлечения в сферу уголовного судопроизводства» [5].

В юридической литературе отмечается, что жалоба в уголовном процессе — это обращение участника процесса в соответствующий орган или к должностному лицу по поводу нарушения прав и охраняемых законом интересов [6].

Согласно п. 4 ст. 4 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [7] жалоба — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

При этом специфика уголовно-процессуальной деятельности определяет особую процедуру подачи жалобы, ее рассмотрения и разрешения компетентным должностным лицом или органом (гл. 16 УПК). В досудебном производстве предусмотрен порядок рассмотрения жалобы прокурором, руководителем следственного органа.

Согласно ст. 124 УПК прокурор, руководитель следственного органа рассматривает жалобу в течение трех суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок десять суток, о чем извещается заявитель.

По результатам рассмотрения жалобы прокурор, руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. При этом заявитель должен быть немедленно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования.

Установленные законодателем нормы выглядят ясно с точки зрения охраны прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам. Вместе с тем правоприменительная практика органов предварительного следствия и органов прокуратуры свидетельствует о различных подходах к охране прав и свобод участников уголовного процесса на стадии досудебного производства, связанных, по нашему мнению, с ошибочным толкованием норм уголовно-процессуального, трудового и иного законодательства, а также положений Конституции.

По нашей оценке, с 2004 г. конституционность положений ст. 124 УПК становилась предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ жалоб на нарушение прав и свобод человека девять раз (см. определения Конституционного Суда РФ от 18.11.2004 № 369-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Граматчикова Игоря Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 19, 122–125, 406, 415 и 416 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [8], от 25.01.2005 № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [9], от 12.07.2005 № 307-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чернышова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 14, 15, 307, 379, 381 и 388 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10], от 25.01.2007 № 135-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

Федерации» [11], от 20.02.2007 № 109-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Удовенко Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 124 и статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части первой статьи 26 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 14 Федерального конституционного закона “О военных судах Российской Федерации”» [12], от 21.10.2008 № 518-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Галиуллина Альберта Абугалиевича и Гайнутдинова Александра Ахатовича на нарушение их конституционных прав положениями статей 123–125 и 391–393 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [13], от 20.11.2008 № 783-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухарева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [14], от 19.02.2009 № 88-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Руслана Львовича на нарушение его конституционных прав пунктом 60 статьи 5 и частью третьей статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [15], от 27.01.2011 № 110-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казеко Михаила Федосовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьей 6 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”» [16]). Причину этого мы видим в возможности толкования правоприменителем положений ст. 124 УПК лишь в пользу прав органов следствия и прокуратуры, не принимая во внимание равноправие всех участников судопроизводства.

Изучение материалов по жалобам, рассмотренным руководителями следственных органов и сотрудниками прокуратуры Костромской области в порядке ст. 124 УПК, свидетельствует о том, что должностными лицами следственных и надзорного органов по-разному трактуются положения ст. 124 УПК в части направления копии постановлений о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении.

Правоприменительная практика показывает, что руководители следственных органов МВД России и СК России по Костромской области направляют заявителям в порядке ст. 124 УПК копии своих постановлений о полном или частичном удовлетворении либо об отказе в удовлетворении жалоб на действия (бездействие) и решения следователей, нижестоящих руководителей

следственного органа. При этом правоприменительная практика надзорного органа — прокуратуры Костромской области складывается совершенно по-иному: заявителям отказывают в праве предоставления копии постановления прокурора о полном или частичном удовлетворении жалоб либо об отказе в их удовлетворении, полагая достаточным уведомление заявителя о решении, принятом по его жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования.

Органы прокуратуры, отказывая заявителем в предоставлении копии постановления о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении, нарушают конституционное право заявителя на обжалование решения прокурора в суде в порядке ст. 125 УПК.

Так, обвиняемый М. по уголовному делу (ч. 4 ст. 159 УК [17]), находящемуся в производстве следователя по особо важным делам Следственного управления Управления МВД России по Костромской области, направил более 50 жалоб в порядке ст. 124 УПК на незаконные действия и решения следователя Ш. Например, следователь назначала обвиняемому М. и его защитнику Ч. явку к ней для выполнения следственных и иных процессуальных действий ежедневно в течение июля и августа 2012 г., включая выходные дни (субботу и воскресенье). Само уголовное дело было возбуждено в марте 2009 г. и расследуется уже более 40 месяцев. В удовлетворении практически всех жалоб М. руководителями следственного органа — начальником следственной части Следственного управления Управления МВД России по Костромской области Т. и начальником Следственного управления Управления МВД России по Костромской области Ш. — было отказано.

Действия следователя Ш. обвиняемый М. обжаловал руководителю следственного органа (исполняющему обязанности начальника следственной части Следственного управления Управления МВД России по Костромской области С.), который, рассмотрев жалобу М., своим постановлением отказал в ее удовлетворении, указав, что нормы УПК запрещено проведение следственных и иных процессуальных действий в ночное время, запрет на проведение следственных действий в выходные и праздничные дни в УПК отсутствует.

Аналогичную жалобу М. направил вышестоящему руководителю следственного органа — начальнику Следственного управления Управления МВД России по Костромской области Ш., который, рассмотрев жалобу в порядке ст. 124 УПК, своим постановлением также отказал в ее удовлетворении. Свое решение он аргументировал тем, что следователь самостоятельно планирует ход и расследование уголовного дела, соответ-

ственно, самостоятельно определяет даты и время проведения следственных действий, при проведении которых руководствуется уголовно-процессуальным законодательством РФ. Положения ТК [18] не распространяют свое действие на участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел, законодателем в уголовном судопроизводстве не установлено выходных дней. Таким образом, вызов следователя Ш. на запланированные ею следственные и процессуальные действия с участием М. и его защитника Ч. на даты выходных дней осуществлен в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, обусловлен планом расследования уголовного дела. Данные действия следователя следует признать законными и обоснованными, они не влекут нарушений прав и интересов участников уголовного судопроизводства по уголовному делу. Обвиняемый неоднократно обжаловал решения следователя и руководителя следственного органа в суд, но его жалобы остались без удовлетворения (см., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 24.03.2011 № 22-304 [19]).

Очевидно игнорирование следователем при поддержке руководства следственного органа процессуальных прав и законных интересов обвиняемого и его защитника, игнорирование в своей работе принципа экономии процессуальных сил и средств, игнорирование конституционных трудовых прав участников процесса, вовлеченных в расследование уголовного дела.

Рассмотрение жалобы руководителем следственного органа, означенное им отношение к правам и свободам участников уголовного процесса на досудебном производстве свидетельствуют о формальном подходе к осуществлению процессуального контроля за действиями и решениями следователя. Требуется приложение дополнительных усилий лиц, чьи права нарушаются в ходе производства по уголовному делу, к защите.

Следующей инстанцией выступают органы прокуратуры, в чью обязанность входит обеспечение законности, охрана прав и свобод личности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Однако, к сожалению, неоднократные обращения обвиняемого М. по вышеуказанному вопросу в прокуратуру г. Костромы и Костромской области остались без ответа.

Приведем другой пример. Исполняющий обязанности прокурора Костромской области К. в своем ответе на жалобу обвиняемого М. о несогласии с ответом заместителя прокурора области Х. и по другим вопросам указал, что ст. 124 УПК и инструкция «О порядке рассмотрения обращений

и приема граждан в системе прокуратуры РФ», утвержденная приказом Генерального прокурора РФ от 17.12.2007 № 200 [20], не предусматривают направления в адрес заявителя постановлений об удовлетворении или отказе в удовлетворении его жалобы.

Однако исполняющий обязанности прокурора Костромской области К. в своем ответе почему-то не уведомил заявителя, что в соответствии с п. 7 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 01.11.2011 № 373 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора» [21] заявитель имеет право ознакомиться с материалами проверки в части, непосредственно затрагивающей его права и свободы, а прокурор обязан предоставить ему такую возможность.

Таким образом, органы прокуратуры Костромской области не только не обеспечивают возможность осуществления прав участников уголовного судопроизводства и не осуществляют защиту их конституционных прав и свобод, но и сами грубо нарушают уголовно-процессуальный закон и права участников уголовного процесса на досудебном судопроизводстве, затрудняют доступ к правосудию. Непредставление прокурором участнику уголовного процесса постановления о полном или частичном отказе в удовлетворении его жалобы лишает последнего возможности обратиться в суд за защитой своих нарушенных конституционных прав.

Возникает далеко не риторический вопрос: зачем существует институт ведомственного контроля и прокурорского надзора? Где человеку, вовлекаемому в сферу уголовного судопроизводства, искать защиты и справедливости? Остается суд.

В качестве примера можно привести рассмотрение кассационной жалобы в Московский городской суд заявителя Ш. на постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 22.03.2011 (см. определение Московского городского суда от 25.04.2011 по делу № 22-5113/2011 [22]). В обоснование своей жалобы заявитель указывал, что его жалоба от 11.02.2011 на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. от 04.02.2011, вынесенное дознавателем Ж., подлежала рассмотрению в порядке ст. 123 УПК в течение трех или десяти суток, как того требует ст. 124 УПК, о чем его, Ш., должны были незамедлительно уведомить. Однако несмотря на то что в установленные законом сроки ему не было сообщено о принятом решении, суд отказался удовлетворить его жалобу. Заявитель считал, что представленная в судебное заседание копия ответа от 16.03.2011 о рассмотрении обращения не может служить основанием в отказе

удовлетворения его жалобы. По мнению заявителя, действиями должностных лиц Замоскворецкой межрайонной прокуратуры ему причинен ущерб конституционным правам и свободам и затруднен доступ к правосудию. Проверив материалы дела, Московский городской суд нашел постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы законным и обоснованным, а кассационную жалобу оставил без удовлетворения.

Анализируя приведенные примеры, мы убеждаемся в существующей на практике проблеме реализации гражданами своих прав и свобод при обжаловании прокурору или руководителю следственного органа соответствующих процессуальных решений.

Конституция гарантирует каждому право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), в том числе путем обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц.

Указанные права по смыслу ч. 1 ст. 21 Конституции предполагают не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение адекватный ответ (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» [23]). Применительно к уголовному судопроизводству это означает необходимость принятия по обращению предусмотренного законом процессуального решения, которое в силу ч. 4 ст. 7 УПК должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Иное явилось бы нарушением не только процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, но и названных конституционных прав.

Таким образом, положения ст. 7, 123 и 124 УПК не допускают отказа правоприменительных органов и должностных лиц от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания, по которым эти доводы отвергаются рассматривающим соответствующее обращение органом или должностным лицом.

Статья 124 УПК, определяющая порядок рассмотрения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора, не содержит

каких-либо предписаний, допускающих освобождение органа или должностного лица, рассматривающего обращения граждан, от исследования и оценки всех приводимых в них доводов, а также мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются (см. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 № 42-О «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Исходя из предписаний Конституции, осуществление данного права обвиняемым предполагает возможность ознакомиться не только с решением, принятым по его жалобе, но и с содержанием вынесенного прокурором постановления.

С учетом проведенного исследования полагаем необходимым внести следующие изменения в нормы УПК:

1. В ст. 7 УПК:

- часть 1 после слова «дознатель» дополнить словами «начальник подразделения дознания, руководитель следственного органа», далее по тексту;

- часть 3 после слова «дознатель» дополнить словами «начальником подразделения до-

знания, руководителем следственного органа», далее по тексту;

- часть 4 после слова «следователя» дополнить словами «руководителя следственного органа, органа дознания», после слова «дознателя» дополнить словами «начальника подразделения дознания», далее по тексту.

2. В целях единообразного правоприменения ст. 124 УПК дополнить ч. 3 данной статьи, изложив ее в следующей редакции: «Копия постановления о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю, а в случае вынесения руководителем следственного органа постановления о полном или частичном отказе в удовлетворении жалобы копия постановления также направляется прокурору. Заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования».

3. Для повышения гарантий обеспечения прав лиц, вовлекаемых в сферу производства по уголовным делам, дополнить ч. 4 ст. 124 УПК после слова «следователь» словом «заявитель», изложив ее в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, дознаватель, следователь, заявитель вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора или руководителя следственного органа соответственно вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа».

1. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // РГ. 2001. 22 дек.
2. См.: СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.
3. См.: Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
4. См.: СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 63.
6. См.: Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 157.
7. См.: СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
8. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
9. См.: ВКС РФ. 2005. № 4.
10. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
17. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
18. См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // РГ. 2001. 31 дек.
19. См.: Костромской областной суд : сайт. URL: http://oblsud.kst.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=44400001103280948130381000186246 (дата обращения: 21.11.2012).
20. См.: Законность. 2008. № 4.
21. См.: Там же. 2012. № 1.
22. Документ опубликован не был. Доступ из системы «Гарант».
23. См.: СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

УДК 343.72

В. Г. Маркарян
V. G. Markaryan

Сравнительный анализ законодательства в области борьбы с интернет-мошенничеством в зарубежных странах и России

A Comparative Analysis of Legislation to Combat Internet Fraud in Foreign Countries and Russia

Статья содержит сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства в области борьбы с мошенничеством в глобальной сети Интернет. Представлены авторские предложения по изменению действующего уголовного законодательства РФ в данной сфере.

This article contains a comparative analysis of Russian and international legislation to combat fraud on the Internet. Author presents proposals to change the criminal laws in this area.

Глобальная сеть Интернет; компьютерное мошенничество; информационная безопасность; высокие технологии; уголовное законодательство

A global network of Internet fraud; computer fraud; information security; high technology; criminal law

Увеличение количества мошенничеств, совершаемых посредством сети Интернет, свидетельствует о двух долгосрочных социально негативных тенденциях: преобладании корыстной мотивации при совершении компьютерных преступлений и активном проникновении в Интернет традиционных форм мошенничества, в частности потребительского мошенничества в сфере электронной коммерции.

Исследователи представляют следующий прогноз относительно дальнейшего распространения мошенничества в глобальной сети Интернет [1]:

а) появление традиционных мошеннических схем в российском сегменте Интернета обусловлено общими тенденциями развития компьютерной преступности, основными факторами распространения которой являются глобальные процес-

сы информатизации стран и коммерциализации информационных ресурсов;

б) по мере возникновения новых возможностей электронной коммерции будет расти количество преступлений против собственности. Доля традиционных мошенничеств в глобальной сети Интернет будет возрастать по отношению к компьютерному мошенничеству, латентность которого будет увеличиваться;

в) основным криминогенным фактором на сегодняшний день является рост количества пользователей в российском сегменте Интернета. Однако в связи с постепенным замедлением прироста числа новых пользователей в ближайшем будущем на первое место должен выдвинуться фактор коммерциализации: расширения финансовых, банковских услуг, массовое развитие интернет-торговли, сферы предоставления услуг;

г) переход традиционных форм мошенничества в Интернет приведет к снижению выявляемости и раскрываемости деяний, совершенных таким способом;

д) компьютерное мошенничество вскоре полностью перейдет в категорию профессиональной преступности. Для преодоления сложных систем информационной безопасности уже сегодня требуется слаженное усилие специалистов в нескольких областях, поэтому интернет-мошенники будут создавать транснациональные организационные преступные группировки;

е) основная масса зарегистрированных компьютерных мошенничеств будет относиться к категории пресеченных на стадии покушения. Их по преимуществу будут совершать лица, только начинающие преступную карьеру. Оконченные преступления будут выявляться намного реже. Финансовые учреждения не склонны афишировать недостатки систем безопасности данных. Профессиональные преступники также успешно смогут избегать уголовной ответственности, скрывая следы преступлений или находясь вне досягаемости правоохранительных органов стран, в которых они совершают преступления.

Если в Европе, США и других развитых в информационном и экономическом плане странах процесс регулирования законодательных отношений в сети Интернет начался на несколько десятилетий раньше, то Россия пока не готова своевременно и адекватно реагировать на такие преступления.

Сравнительный анализ уголовного законодательства ряда зарубежных государств позволил исследователям определить основные законодательные тенденции в конструировании уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за мошенничество в сфере высоких технологий.

В частности, выявлено три подхода в борьбе с мошенничеством в сфере высоких технологий [2].

1. *Казуистический* — характерный для уголовного законодательства стран, которым присуща прецедентная система права.

Этот подход, на наш взгляд, не отвечает современному процессу постоянного, бурного развития мошенничества в сфере высоких технологий, поскольку расширение количества составов или конкретных, четко установленных действий в объективной стороне состава является, по сути, свидетельством низкой законодательной техники и «громоздкости» процесса правоприменения. Постоянное развитие общественных отношений порождает новые виды мошенничества,

соответственно, законодателю необходимо постоянно дополнять уголовный закон.

2. *Универсальный* — характерный для уголовного законодательства Австрии, Швейцарии и Республики Беларусь.

Охраняя общественные отношения в сфере собственности, в универсальном подходе законодатель дополнительно ставит под защиту общественные отношения в сфере использования данных, собранных или переданных электронным или иным подобным способом, если эти данные субъекту преступления не предназначены и особо защищены от его неправомерного доступа, причем такие действия должны быть совместно с целью незаконно обогатиться самому или обогатить другого. Законодатель оставляет возможность правоприменителю не ограничиваться рамками закона, жестко не закрепляя способы совершения мошенничества в сфере высоких технологий, а указывает широкий круг вариантов привлечь преступника к уголовной ответственности за данные деяния. Фактическое использование сферы высоких технологий выступает квалифицирующим признаком. В УК Республики Беларусь [3] это способ, выделенный в отдельный состав и охватывающий все формы хищения.

3. *Российский* — состав мошенничества вошел в гл. 28 УК РФ [4], ставящую под охрану общественные отношения собственности. Наряду с этим отдельно охраняются общественные отношения в сфере компьютерной информации.

Российский законодатель не учитывает особенностей рассматриваемых преступлений, их высокую общественную опасность, не охватывает всех встречающихся на практике форм совершения мошенничества.

В отличие от России, такой состав преступления, как интернет-мошенничество, существует в зарубежном законодательстве. В частности, в УК ФРГ [5] параграф 263а «Компьютерное мошенничество» регламентирует ответственность лица, желающего неправомерно получить для себя или третьего лица имущественную выгоду, с помощью неправильного создания программ, использования неверных или неполных данных, неправомерного использования информации и воздействия на результаты ее обработки [6].

Таким образом, вопрос криминализации мошенничества в сфере высоких технологий в зарубежных странах решается двумя способами:

1. Особенность общественно опасного деяния с использованием высоких технологий учитывается при конструировании диспозиции норм. По мере развития новых форм мошенничества

в сфере высоких технологий диспозиция расширяется.

2. Сфера высоких технологий ставится под охрану уголовного закона путем включения новых составов. В некоторых случаях вводится квалифицирующий признак, позволяющий отнести рассматриваемый способ мошенничества к общественно опасному деянию [7].

В обоих случаях законодатель не ограничивает сферу высоких технологий жесткими рамками, дает простор для расширительного толкования. В большинстве уголовных кодексов применяются термины «результат автоматизированной обработки данных», «процесс сбора, обработки и хранения информации и использование компьютерной техники», а также включено указание на сети передачи данных.

Уголовный кодекс РФ сферу высоких технологий ограничивает только посягательствами на общественные отношения в сфере компьютерной информации (гл. 28). Статьи 273 и 274 УК РФ практически не имеют правоприменительного значения в процессе квалификации мошенничества в сети Интернет при наиболее типичных его вариантах.

Между тем в России процесс применения высоких технологий в мошенничестве по мере их развития и распространения постепенно набирает обороты. В ближайшем будущем, когда сфера высоких технологий распространится повсеместно (этот процесс уже идет), ситуация станет намного хуже, чем в странах, где мошенничество в сфере высоких технологий уже криминализовано и находится под относительным контролем. В России устаревшая законодательная база не способна охватить и оценить действительную общественную опасность всех видов такого мошенничества.

На недостатки законодательного регулирования преступлений в сфере интернет-мошенничества обращают внимание многие российские ученые. В частности, Б. Д. Завидовым был проведен уголовно-правовой анализ мошенничества в сетях сотовой связи, которое может рассматриваться как частный случай компьютерного мошенничества [8]. Исследователь отметил необходимость использования опыта борьбы с электронным мошенничеством в других странах, где данные деяния давно предусмотрены уголовным законодательством и существуют наработанные методики расследования такого рода преступлений [9]. Речь, в частности, шла о ст. 326с «Запись (прослушивание, копирование) информационных коммуникаций, кража путем обмана служб» УК Голландии [10], устанавливающей ответственность за пользование услугой, пред-

лагаемой населению через телекоммуникационную связь, с помощью технологических средств или с помощью ложных сигналов с целью уклонения от полной оплаты.

Можно сделать вывод, что состояние российского уголовного закона не может быть признано удовлетворительным, поскольку несоответствие УК РФ нормам европейского права свидетельствует о невозможности использования богатого опыта борьбы с преступлениями в сфере интернет-мошенничества, который имеется у европейских стран, а также не позволяет должным образом сотрудничать с европейскими коллегами в деле расследования данных преступлений, которые часто носят трансграничный характер.

На наш взгляд, мошенничество в сфере высоких технологий в российском уголовном законодательстве необходимо совершенствовать по схеме универсального подхода, который будет заключаться во введении не нового объекта, а нового квалифицирующего признака в состав мошенничества — «с использованием результата автоматизированной обработки данных», такой же квалифицирующий признак целесообразно ввести в ряд других составов разд. VIII УК РФ. Также необходимо дополнить обстоятельство, отягчающее наказание: «с использованием результата автоматизированной обработки данных».

Кроме того, представляется обоснованным принятие концептуального закона о развитии российского сегмента Интернета, который должен прояснить многие ключевые понятия в сфере организации доступа в глобальную сеть, определить статус субъектов, предоставляющих такие услуги, и политику Российского государства по отношению к Интернету.

Анализ активно развивающихся схем мошенничества в Интернете позволяет также высказать следующие предложения, направленные на предотвращение, выявление растущих угроз развитию сети Интернет:

- необходимо использовать положительный аспект создания специализированных центров сбора и анализа информации о случаях мошенничества в Интернете;
- необходимо изучение международного законодательства с целью выработки единых понятий и скоординированных мероприятий по борьбе с интернет-мошенничеством;
- трансграничный характер интернет-мошенничества требует практической согласованности действий правоохранительных систем различных стран, и прежде всего тех, организации и население которых в наибольшей

степени страдают от последствий подобных преступлений;

- учитывая быстрое развитие информационных технологий, необходимо ставить перед разработчиками программного обеспече-

ния, производителями оборудования, службами, занимающимися информационной безопасностью, и другими структурами вопросы о предотвращении возможностей для мошеннических действий.

1. См.: Номоконов В. А. Глобализация информационных процессов и преступность // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал : сайт. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1223215> (дата обращения: 16.11.2012).

2. См.: Спирина С. Г. Криминологическая характеристика компьютерной преступности в России. Краснодар, 2003. С. 14.

3. См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой портал Республики Беларусь : сайт. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275&p2={NRPA}> (дата обращения: 16.11.2012).

4. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова : сайт. URL: <http://constitutions.ru/archives/5854/7> (дата обращения: 16.11.2012).

6. См.: Кузнецов А. П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации по зарубежному законодательству // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 36.

7. См.: Воронцова С. В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 17.

8. См.: Завидов Б. Д. Мошенничество в сетях сотовой связи (проблемы практики и теории уголовного права) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

9. См.: Его же. Сфера высоких технологий как мошенничество и как спорные объекты интеллектуальной собственности, находящиеся вне правового поля (фрикерство, хакерство и радиопиратство) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

10. См.: Уголовный кодекс Голландии от 3 марта 1881 г. // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал : сайт. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242430> (дата обращения: 16.11.2012).

УДК 340.624.23

С. А. Огурцов
S. A. Ogurtsov

Дискуссионные вопросы так называемой возрастной невменяемости

Debating Points of the so Termed “Age Insanity”

Данная статья посвящена проблеме «возрастной невменяемости». Основное внимание в работе автор акцентирует на раскрытии содержания признаков «возрастной невменяемости» посредством использования современных достижений в области права, медицинской психологии и судебной психиатрии.

Возрастная невменяемость; признаки возрастной невменяемости; уголовно-правовые меры, применяемые к несовершеннолетним, страдающим «возрастной невменяемостью»

This article focuses on the “age insanity” issue. The author pays special attention to the interpretation of the characteristics of “age insanity” by means of modern advances in law, medical psychology, as well as legal psychiatry.

Age insanity; characteristics of age insanity; criminal penalties invoked upon minors with “age insanity”

В течение уже нескольких десятилетий на страницах медицинской и юридической литературы ведутся дискуссии об особых неболезненных состояниях психики, которые не укладываются в традиционные понятия «невменяемость» и «ограниченная вменяемость», но оказывают существенное влияние на интеллектуальную и волевую сферы несовершеннолетнего в момент совершения им общественно опасного деяния. Все это и побудило законодателя к отражению в УК РФ [1] особых неболезненных состояний психики у несовершеннолетних. Зарубежное законодательство пошло по указанному пути раньше, нежели отечественное. Так, в соответствии с параграфом 3 Закона ФРГ о судопроизводстве в отношении несовершеннолетних от 4 августа 1953 г. несовершеннолетний несет уголовную ответственность, если он ко времени совершения преступ-

ного деяния по своему моральному и умственно-му развитию является достаточно зрелым, чтобы осознавать противоправность и действовать в соответствии с этим пониманием. В ином случае несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, но для его воспитания судья может применить такие меры, как семейное и судебное попечительство. Схожие законодательные нормы предусмотрены и в ряде других государств.

В Российской Федерации также накоплен определенный законодательный опыт решения подобных вопросов. В ч. 2 ст. 392 УПК РСФСР [2] содержалась норма, которая указывала на существование неких неболезненных состояний у несовершеннолетних, однако законодатель использовал нечеткую формулировку «умственная отсталость, не связанная с душевным заболеванием», что затрудняло применение данной

прогрессивной нормы на практике. В последующем постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» [3] было дано толкование этого понятия, под которым следовало понимать значительное отставание от нормального для данного возраста уровня развития мыслительной, познавательной деятельности, запаса знаний и представлений, развития эмоциональной и волевой сферы.

Уголовный кодекс РФ предусмотрел беспрецедентную для отечественного уголовного законодательства норму (ч. 3 ст. 20), согласно которой, если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Указанная норма, нередко именуемая в научной литературе «возрастной невменяемостью», породила немалые трудности в сфере ее практического применения. В частности, на протяжении ряда лет не удавалось выработать единые методические подходы к установлению «возрастной невменяемости».

Легализованная УК РФ категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» подверглась тщательному анализу со стороны ученых-правоведов, психологов, психиатров. В ходе этих исследований было затронуто немало вопросов как теоретического, так и практического характера.

Предусмотренная в ч. 3 ст. 20 УК РФ норма была сконструирована законодателем посредством использования двух признаков: отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством; невозможность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо невозможность руководить ими.

Научная разработка первого признака «возрастной невменяемости», проводимая учеными различных специальностей (юристами, психологами и психиатрами), не завершена. В настоящее время отсутствует единое мнение по вопросу о том, что же необходимо понимать под отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством.

Среди юристов, психологов и медицинских работников сложилось три основных подхода к трактовке этого понятия.

В рамках первого подхода отставание в психическом развитии, предусмотренное ч. 3 ст. 20 УК РФ, отождествляется с умственной отсталостью.

Второй подход, который принято называть узким, признает рассматриваемое состояние как сугубо неболезненное (при наличии у несовершеннолетнего любой формы психического расстройства применение ч. 3 ст. 20 УК РФ исключено).

Третий подход, именуемый широким, напротив, допускает применение ч. 3 ст. 20 УК РФ даже при наличии некоторых форм психических расстройств.

Позиция ученых и практиков, которые отождествляют отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, и умственную отсталость, является спорной. Ранее клиницистами отмечалось, что работники следствия и суда продолжают руководствоваться комментариями к УК РФ, в которых было указано, что под действие этой статьи можно отнести умственную отсталость (олигофрению). С точки зрения психиатрии умственная отсталость является традиционно одной из ключевых форм болезненных психических нарушений, сопровождающихся известной клинической динамикой с нарушением развития интеллекта и ряда других функций [4].

Сторонниками иного подхода являются ученые, которые утверждают, что отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, проявляется в форме социального инфантилизма, который формируется под воздействием: 1) педагогической запущенности; 2) неправильного воспитания; 3) сенсорной депривации (слепота, глухота, глухонмота) [5], причем особое внимание исследователи акцентируют на социально-педагогической запущенности.

Думается, что социально-педагогическая запущенность как проявление издержек воспитания не служит синонимом «отставания в развитии» неболезненного характера и не предполагает ограничение волевой регуляции поведения, в том числе прогностических и критических способностей у несовершеннолетнего. Исключение могут составлять случаи, когда социально-педагогическая запущенность сочетается с психическим (парциальным) непатологическим инфантилизмом, социогенно или соматогенно обусловленным, при котором серьезно нарушаются прогностические и критические способности подростка, замедляющие темп его развития.

Сторонники так называемого широкого подхода к проблеме толкования отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, утверждают, что норма ч. 3 ст. 20 УК РФ применима даже при наличии некоторых болезненных форм психических расстройств, если их влияние на психику и поведение несовершеннолетнего имеет второстепенный характер, но основную роль в нарушении способности понимать значение своих действий либо при руководстве ими принадлежит расстройствам небезболезненного происхождения [6].

Общепризнанно, что определить конкретный вклад болезненных расстройств психики или небезболезненного отставания в развитии в нарушение сознательной регуляции действий подростка в ситуации правонарушения на практике невозможно. Психика представляет собой целостную систему, регулирующую поведение человека. В связи с этим нельзя установить жесткую детерминацию нарушений личностной регуляции социально значимого поведения какой-либо ее частью, исключая влияние других сфер. Наличие же у несовершеннолетнего психического расстройства исключает возможность применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, поскольку иное противоречило бы смыслу этой законодательной нормы.

В связи с этим возникает вопрос: что же необходимо понимать под формулой «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством»? Согласно исследованиям психиатров, ч. 3 ст. 20 УК РФ должна охватывать только те непатологические по своей сути формы психического дизонтогенеза, при которых выявляется замедление темпа развития в форме *личностного (парциального) инфантилизма*. Происхождение последнего может быть обусловлено **соматогенными** (наследственно-генетическими причинами, эндо- и экзокринной патологией, любым тяжелым внутренним заболеванием — сахарным диабетом, бронхиальной астмой, муковисцидозом, системными коллагенозами и др.) либо **социальными** причинами, такими как воздействие депривационных факторов (родительская, сенсорная или иная средовая депривация). В системе концепции нарушений психического развития дизонтогенетических психических и поведенческих расстройств подросткового возраста эти состояния могут быть соотнесены с социогенным (соматогенным) непатологическим инфантилизмом и при производстве судебных комплексных психолого-психиатрических экспертиз в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского рассматриваются в группе асинхроний развития, отличающихся от норм развития лишь по количеству (показатель

«темпа» развития), а не по качеству (психологический синдром). Речь идет преимущественно о количественных нарушениях развития, сопровождающихся детскостью психики, эмоций, мотивации, побуждений и поведения, в результате чего наблюдается некоторое ослабление прогностических и критических способностей [7].

Аналогичную позицию занимают психологи, которые предлагают понимать под отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, возрастную личностную незрелость, содержание которого раскрывается посредством использования следующих категорий. Во-первых, принципиальным моментом является рассмотрение именно личностного развития, так как личность — психологическая система субъекта, ответственная за регуляцию его социального поведения. Во-вторых, зрелость или незрелость личности выражает достаточную или, напротив, слабую сформированность сознательных регулятивных механизмов такого поведения у подростка. В-третьих, категория «возрастная» указывает на естественный характер незрелости, свойственный подростковому и (в меньшей степени) юношескому возрасту. Личностная незрелость выражает слабую сформированность сознательных регулятивных механизмов социального поведения подростка. Она обуславливается незавершенным развитием мотивационно-смысловой системы и проявляется в несамостоятельности подростка, подверженности его поведения влиянию внутренних непосредственных побуждений или внешних обстоятельств, а также других людей. Личностная незрелость может быть естественной возрастной (особенно у младших подростков) или обусловленной непатологическими факторами (социальная или сенсорная депривация, длительные соматические заболевания, особенности воспитания) [8].

Преимущество подхода к пониманию отставания в психическом развитии как к возрастной личностной незрелости заключается в том, что в его основу заложены современные данные ряда научных дисциплин (возрастной психологии и физиологии, медицины), которые позволяют четко выделить соответствующую предметную сферу психологических явлений, отграничить ее от смежных состояний и процессов (прежде всего от болезненных нарушений психики), определив тем самым содержание понятия «отставание в психическом развитии», а также причины и механизмы возникновения такого отставания.

Второй признак «возрастной неменяемости» заключается в том, что несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих

действий (бездействия) либо руководить ими. Нужно отметить, что в ч. 3 ст. 27 УПК РФ [9] предусмотрено основание для прекращения уголовного преследования в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния предусмотренного уголовным законом возраста, с которого наступает уголовная ответственность. По этому же основанию подлежит прекращению уголовное преследование и в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом. При сопоставлении ч. 3 ст. 20 УК РФ и ч. 3 ст. 27 УПК РФ обнаруживается противоречие между уголовным и уголовно-процессуальным законами, которое необходимо решить путем приведения ч. 3 ст. 27 УПК РФ в соответствие ч. 3 ст. 20 УК РФ. Это связано с тем, что только уголовным законом определяется преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, тогда как уголовно-процессуальный закон устанавливает только порядок уголовного судопроизводства.

В настоящее время высказывается мнение о необходимости исключить из ч. 3 ст. 20 УК РФ формулировку «не мог в полной мере...». Это связано с тем, что данный признак означает неполную способность к осознанно-волевому контролю своих действий, что логически предполагает не освобождение лица от ответственности и наказания, а всего лишь учет «возрастной невменяемости» при возложении ответственности и выборе вида и размера уголовно-правовой санкции. Следовательно, остается один способ устранения существующего противоречия — изъятие критерия, который способен ввести в заблуждение юристов-практиков и экспертов [10]. Однако с подобным выводом вряд ли можно согласиться, поскольку исключение этого признака не позволит учитывать степень влияния возрастной личностной незрелости на интеллектуально-волевою сферу несовершеннолетнего во время совершения общественно опасного деяния. В результате решение вопроса об уголовно-правовых последствиях неболезненного отставания в психическом развитии (освобождение от уголовной ответственности, смягчение наказания) станет невозможным.

Вместе с тем закрепленная в ч. 3 ст. 20 УК РФ норма неудачна в том смысле, что, базирясь на признаке «не мог в полной мере осозна-

вать либо руководить», тождественном юридическому критерию ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), «возрастная невменяемость» влечет за собой правовые последствия, свойственные «полной» невменяемости (ст. 21 УК РФ). Таким образом, «возрастная невменяемость» исключает уголовную ответственность несовершеннолетнего, тогда как признание его ограниченно вменяемым приводит к назначению наказания, наряду с которым могут быть применены еще и принудительные меры медицинского характера. В связи с этим ученые предлагают исключить из ч. 3 ст. 20 УК РФ слова «в полной мере», приведя ее в соответствие с юридическим критерием невменяемости [11].

С позицией этих авторов можно согласиться, однако частичное совпадение некоторых признаков «возрастной невменяемости» и ограниченной вменяемости является лишь одним из поводов для изменения ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Можно предположить, что исключение из ч. 3 ст. 20 УК РФ фразы «в полной мере» должно быть связано с несколькими факторами. Первый состоит в том, что исключение уголовной ответственности несовершеннолетних должно носить разовый характер, т. е. распространяться на незначительное число случаев, подпадающих под действие нормы о возрастной невменяемости.

Второй, наиболее важный фактор заключается в том, что при отсутствии возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими автоматически приводит к исключению вины, которая является обязательным признаком всех составов преступлений. В связи с этим осознание и только осознание фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) либо возможности руководить ими служит предпосылкой вины.

В случае, если у несовершеннолетнего сохраняется лишь частичная способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он должен признаваться субъектом преступления, но ослабление указанной способности следует учитывать при решении вопроса о наказании.

Исходя из всего вышесказанного норму ч. 3 ст. 20 УК РФ в нынешней редакции следует признать неудачной. В перспективе ч. 3 ст. 20 УК РФ нужно изложить как «полное отсутствие возможности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) либо к руководству ими». Аналогичным образом была изложена ч. 3 ст. 27 УК Республики Беларусь [12], поскольку законодатель

использовал в ней формулировку «не способен осознать».

Нужно отметить, что существуют и противники данного подхода, потому что использование критерия «не мог осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» приведет к нарушению принципа субъективного вменения [13]. Возможно, В. А. Якушин считает, что все вышеуказанные случаи нужно квалифицировать как невиновное причинение вреда. Предложенные им аргументы пока являются дискуссионными, поскольку применение ч. 1 ст. 28 УК РФ связано с возникновением случайных факторов, которые лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать в данной конкретной ситуации. Что же касается применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, то отсутствие осознания обусловлено не случайными факторами, а отставани-

ем в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, которое исключает у несовершеннолетнего возможность осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия).

Последний вопрос, который не решен в действующем уголовном законодательстве РФ, состоит в том, какие меры уголовно-правового воздействия необходимо применять к несовершеннолетним, страдающим «возрастной невменяемостью». Представляется, что к данной категории несовершеннолетних можно применять помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на основании Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [14] либо принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные ст. 90 УК РФ.

1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.
4. См., напр.: Жариков Н. М., Морозов Г. В., Христинин Д. Ф. Судебная психиатрия : учебник. М., 2006; Макушкин Е. В. Клинико-эволютивная систематика и судебно-психиатрическое значение дизонтогенетических психических и поведенческих расстройств у подростков : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2002. С. 251–252; Руководство по судебной психиатрии / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. А. Ткаченко. М., 2004. С. 142 и др.
5. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. М., 2004. С. 36; Рагулина А. В. Психические отклонения и их уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 55–58; Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. А. В. Наумова. М., 2007. С. 94 и др.
6. См., напр.: Кудрявцев И. А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза : науч.-практ. рук. М., 1999. С. 305–306; Его же. Новые экспертные подходы к освоению уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних // Российский психиатрический журнал. 2000. № 2. С. 43; Его же. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних // Судебная психиатрия / под ред. Т. Б. Дмитриевой. Вып. 1. М., 2004. С. 123–126; Кудрявцев И. А., Миньковский Г. М., Ситковская О. Д. Концептуальные и экспертные проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних (применение ч. 3 ст. 20 УК РФ) // Российский психиатрический журнал. 1998. № 4. С. 38–39; Ситковская О. Д. Использование психологических познаний для определения общих условий уголовной ответственности : учеб.-метод. пособие. М., 2005. С. 25–29 и др.
7. См.: Макушкин Е. В. Указ. соч. С. 251; Его же. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. М., 2009. С. 210–216 и др.
8. См., напр.: О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ : информационное письмо / под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2004. С. 5; Клиническая и судебная подростковая психиатрия / под ред. В. А. Гурьевой. М., 2007. С. 292–294; Дозорцева Е. Г. Часть 3 ст. 20 УК: дискуссионные вопросы методологии и экспертной практики // Судебная психиатрия / под ред. Т. Б. Дмитриевой. Вып. 5. М., 2008. С. 35–36.
9. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // РГ. 2001. 22 дек.
10. См.: Назаренко Г. В. Невменяемость. Уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002. С. 129.
11. См., напр.: Бабиченко Р. И. Возрастная невменяемость: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 91; Долгова С. В. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003. С. 183–184.
12. См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный правовой портал Республики Беларусь : сайт. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275&p2={NRPA}> (дата обращения: 22.11.2012).
13. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Л. Крутикова. М., 2005. С. 46.
14. См.: СЗ РФ. 1999. № 26. С. 3177.

УДК 343.2

Э. Л. Сидоренко
E. L. Sidorenko

Системные свойства диспозитивного режима уголовно-правового регулирования

Systemic Signs of Discretionary Regime of Legal Regulation

В работе проведен системный анализ диспозитивного режима уголовно-правового регулирования. Особое внимание уделено поиску универсальной модели учета частного интереса в уголовном праве, изучению конструктивных свойств диспозитивности, ее внутренних и внешних системных связей.

Диспозитивность; система; режим уголовно-правового регулирования; личность; частный интерес

In this paper we conducted a systematic analysis of the discretionary regime of legal regulation. Special attention is paid to finding a universal accounting model of private interest in criminal law, the study of structural properties of discretionary, its internal and external system connections.

Discretionary system; the regime of criminal legal regulation; personality; private interest

Юридической науке известно несколько десятков определений системы и системного анализа. Условно они могут быть объединены в два основных подхода. В первом случае системный метод используется для обозначения объективно существующих правовых феноменов, а во втором служит способом изучения и теоретического моделирования явлений. На основе первого подхода дается дескриптивное (описательное) определение системы, в то время как второй — конструктивный подход позволяет выстроить теоретическую модель изучаемого явления посредством выделения его системообразующих признаков. Отдавая предпочтение конструктивному анализу диспозитивности, следует учитывать его ограниченные возможности. «Модельный анализ никогда не претендует на законченность, он обращен на изучение целостно-

элементарного внутреннего и внешнего среза сложных объектов, рассмотренных в статике, динамике и генезисе. Для него важна идея организованности, “жизни” системы — ее рождения, становления, развития и умирания — идея гибкости, простоты и сменяемости моделей и представлений» [1].

Как целостное образование диспозитивный режим уголовно-правового регулирования обладает следующими признаками и свойствами:

- статическими характеристиками, отражающими его конкретное состояние, — целостностью и наличием устойчивых связей между элементами;

- динамическими свойствами, характеризующими развитие системы и среды ее функционирования, — стимулируемостью, функциональностью и изменчивостью;

- синтетическим, или собирательным, качеством, проявляющимся при взаимодействии системы с внешними факторами, — целесообразностью.

В этом смысле диспозитивный режим уголовно-правового регулирования, без сомнения, является целостной системой. Как правовое образование он имеет отличную от своих компонентов юридическую природу и не может быть сведен ни к предмету, ни к методу, ни к средствам правового воздействия. Взятые в совокупности, они придают системе новое свойство, органично вытекающее из составляющих его элементов, но не характерное ни для одного из них в отдельности, — качество комплексного уголовно-правового воздействия на общественные отношения по реализации права на частный интерес.

Предмет определяет направленность диспозитивного режима, принципы — вектор и пределы его реализации, методы — характер правового воздействия и, наконец, средства — выбор его нормативной основы.

С точки зрения динамики целостность диспозитивного режима проявляется в том, что воздействие на один элемент системы (предмет, метод или средство правового регулирования) неизбежно вызывает изменение других элементов.

Динамическая целостность диспозитивного режима уголовно-правового регулирования может быть поддержана только при условии учета системных связей между компонентами режима при определении вектора уголовной политики, криминализации и декриминализации деяний, посягающих на частный интерес. В этой связи чрезвычайно важным является требование о соответствии режима принципам правового регулирования.

Диспозитивный режим характеризует устойчивость системных связей. Это означает, что сила связей между компонентами режима намного превосходит силу связей этих компонентов с внешними объектами: предметом, методами или средствами отраслевого регулирования. В этом выражается качественное своеобразие диспозитивного режима как «островка» в публичном уголовно-правовом регулировании. Особый предмет и принципы правового воздействия не позволяют произвольно заимствовать публично-правовые механизмы для охраны частного интереса.

В первую очередь элементы диспозитивного режима взаимодействуют друг с другом, а только затем — с факторами внешней среды. Такое взаимодействие не ограничивается линейными связями «причина — следствие», оно предполагает:

- наличие уровней, согласно значимости элементов (принципы > предмет > методы > средства правового регулирования);

- устойчивые взаимозависимости и корреляции между любыми элементами системы;

- регулярность и повторяемость этих взаимодействий в рамках регулирования отношений по реализации частного интереса.

Именно поэтому оценка законодательных нововведений должна осуществляться в рамках комплексного анализа правоотношений, методов и средств диспозитивного режима уголовно-правового регулирования.

Устойчивые связи между элементами диспозитивного режима объясняются наличием единого системообразующего начала, которое в той или иной степени прослеживается во всех элементах и обеспечивает их единство. Им является свобода усмотрения обладателя частного интереса. Имея то или иное благо, лицо вступает в правоотношения по реализации субъективного права на это благо, которые, в свою очередь, регламентируются в рамках диспозитивного режима уголовно-правового регулирования.

То, что в основе предмета регулирования заложена свобода воли обладателя интереса, серьезно влияет на характер правового воздействия. В отличие от публичного уголовно-правового регулирования, диспозитивный режим предполагает свободу усмотрения частного лица при разрешении уголовно-правового конфликта. В частности, ему предоставляется право на самостоятельную защиту своих прав в рамках институтов освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, согласия на причинение вреда, самозащиты личности и др. Возможность реализации отношений и свойств диспозитивного режима уголовно-правового регулирования исключительно на основе свободы усмотрения обладателя частного интереса придает ему уникальность, «определяет весь его облик, создает климат, настрой в регулировании» [2].

В числе динамических свойств диспозитивного режима можно выделить его стимулируемость, функциональность и изменчивость.

Стимулируемостью называют подверженность системы внешнему воздействию. В зависимости от характера такого воздействия выделяются закрытые (обмен энергией и информацией с окружающей средой отсутствует) и открытые (осуществляется свободный обмен с внешними факторами) системы.

Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования можно отнести к открытым системам, на это указывает ряд обстоятельств. Во-

первых, исследуемый режим — это социальное образование, а оно не может носить закрытый характер. Во-вторых, именно открытость системы обеспечивает существование диспозитивного режима в рамках уголовного права. Если бы он был закрыт, взаимодействие с элементами отраслевого регулирования было бы невозможно и диспозитивный режим воспринимался бы как рудимент уголовного права.

Следует выделять следующие требования, предъявляемые к диспозитивному режиму как к открытой правовой системе:

- постоянный обмен энергией, веществом и информацией с внешней средой, включающей социальные процессы и потребности, особенности правовой системы, особенности отраслевого уголовно-правового регулирования;

- наличие внутреннего равновесия и баланса со средой. Это означает, что обмен с внешней средой должен носить лимитированный характер, в противном случае велик риск утраты правовым режимом качественного своеобразия;

- стремление к постоянным изменениям за счет специализации, дифференциации, интеграции и усложнения элементов. Изначально диспозитивность в уголовном праве ограничивалась предоставлением потерпевшему ограниченных возможностей для примирения с виновным, но по мере усложнения форм социальной жизни, универсализации права и смены парадигм она обросла новыми формами и приобрела организованный характер вследствие усложнения связей между элементами. Менее чем за два десятилетия произошло становление диспозитивности в качестве режима уголовно-правового регулирования, и сейчас можно прогнозировать ее дальнейшее развитие, ориентированное как на появление новых элементов, так и на совершенствование и усложнение существующих;

- нормы и правила, задающие необходимое или желаемое состояние объекту регулирования, являются результатом внешнего управляющего воздействия и развития диспозитивности как самоорганизующейся системы.

Термин «управление» применительно к правовому режиму имеет двоякое значение: с одной стороны, он выражает один из существенных признаков регулятивного воздействия, с другой — указывает на то, что содержание и форма диспозитивного режима определяются государственной волей. Как справедливо отмечает В. Д. Сорокин, «каждая правовая система есть и управляемая, и управляющая система. В первом качестве она характеризуется при-

знаками объекта управления. Во втором — имеет уже свойства субъекта управления, т. е. действует как начало активное, динамическое, в задачу которого входит выбор оптимальных вариантов воздействия на нижестоящие элементы и окружающую среду» [3].

Вторым по значимости источником развития диспозитивности является ее самоорганизация.

В философской и юридической науке высказываются различные соображения об особенностях права как социальной управляющей системы. В числе ее характерных признаков называются: 1) способность активно взаимодействовать со средой, не только получая информацию извне, но и оказывая влияние на среду, изменяя ее направление; 2) определенная гибкость структуры, понимаемая в данном случае как совокупность существенных связей между элементами; 3) невозможность в большинстве случаев предсказать поведение самоорганизующейся системы, поскольку в различных ситуациях она может действовать разными путями; 4) способность учитывать прошлый опыт, позволяя системе оптимизировать свою деятельность, основываясь на использовании закономерностей, присущих среде [4].

Все эти признаки находят отражение в диспозитивном режиме уголовно-правового регулирования. Он активно взаимодействует со средой, отражает потребности физических и юридических лиц в активной защите частного интереса при разрешении уголовно-правового конфликта и действует в рамках закономерностей, присущих окружению: отвечает потребностям личности, общества и государства, идейным основам правовой политики, системе права и состоянию отраслевого уголовно-правового регулирования.

Как открытая система диспозитивность не может развиваться в четко заданных границах ввиду высокого риска утраты гибкости и адаптивности. Именно на широком спектре вариантов развития основана способность диспозитивного режима регулировать отношения по реализации и защите частного интереса.

С гносеологической точки зрения чрезвычайно важным является свойство системы учитывать предыдущий опыт и на его основе оптимизировать свою деятельность. Если в развитии диспозитивного режима не будут учтены прошлые ошибки, он в конце концов утратит регулирующее начало. Именно по этой причине необходим мониторинг уголовного законодательства и практики его применения, который бы позволил оценивать средства диспозитивного режима

с позиции их социальной обусловленности и преемственности.

В отличие от внешнего (государственного) управления, процессы самоорганизации диспозитивности происходят за счет перестройки существующих и образования новых связей между ее элементами.

Их отличительная особенность — целенаправленный, но вместе с тем и естественный, спонтанный характер: эти процессы, протекающие при взаимодействии системы с окружающей средой, в той или иной мере автономны.

Ключевое значение в процессе самоорганизации открытой системы принадлежит аттракторам (от англ. *attract* — «привлекать, притягивать»). Если система попадает в поле притяжения определенного аттрактора, то она неизбежно начинает эволюционировать к этому устойчивому состоянию, строиться по плану, заложенному в аттракторе, т. е. в текущий момент развития система определяется своим будущим конечным видом [5].

В диспозитивном режиме как относительно новой и не до конца сформированной правовой системе, роль аттракторов весьма велика. Подчас ни ученые, ни практики не могут понять, чем руководствовался законодатель при внесении тех или иных изменений в УК [6]. Это объясняется не низкой квалификацией специалистов и не алогичностью государственного управления, а нелинейным развитием режима как принципиально нового регулятора отношений по реализации частного интереса.

Изучение аттракторов и их роли в функционировании диспозитивного режима уголовно-правового регулирования может помочь разобраться в процессах его формирования и развития, но уже сейчас оно позволяет уяснить важность исследования «стихийного» реформирования законодательства. Как бы дико не звучала мысль о стихийности законотворческой деятельности, таковая действительно существует и указывает наиболее оптимальные для развития системы направления. В частности, введение в уголовный закон примечания к ст. 122 УК дает повод задуматься о необходимости расширения частных начал уголовно-правового регулирования в сфере охраны личности посредством распространения рассматриваемого правила на другие группы преступлений (например, на ст. 121 УК).

Важным динамическим свойством системы является ее функциональность, т. е. способность влиять на окружающую среду и воспроизводить в ней изменения. В этом качестве выражена характеристика диспозитивного режима

как системы правового регулирования общественных отношений.

Диспозитивный режим является системой правового воздействия, но системой особого рода — он оказывает регулятивное воздействие на четко определенный круг общественных отношений — отношения по реализации частного интереса. Узость предмета регулирования позволяет более рельефно очертить другие элементы режима (метод и средства правового воздействия) и показать его особый настрой.

Изменчивость как динамическое свойство диспозитивности означает, что меняться может как система, так и входящие в нее элементы. Именно изменчивость позволяет постоянно расширять и обновлять арсенал средств диспозитивного режима, адаптируя его под внешние социальные и правовые условия.

Во взаимодействии с внешней средой проявляется синтетическое свойство диспозитивности — ее целесообразность. Под ней понимается целевая определенность, когда лежащую в основе цель характеризуют как конечную причину [7].

Цель диспозитивного режима уголовно-правового регулирования должна, с одной стороны, отражать смысл существования права на самостоятельную защиту частного интереса, а с другой — в идеальной форме программировать его результат. Именно она является исходной точкой в интеграции принципов, предмета, метода и средств в единый правовой режим, лежит в основе построения системных связей, служит точкой отсчета в процессе контроля и оценки результатов диспозитивного уголовно-правового регулирования.

Логика построения целей правозащитной системы позволяет установить цель диспозитивного режима уголовно-правового регулирования — обеспечение безопасности частного лица посредством самостоятельной защиты права на частный интерес. Эта цель предполагает наличие промежуточных задач: обеспечение свободы лица в рамках пользования и распоряжения принадлежащим ему благом, восстановление прав потерпевшего, расширение возможностей самозащиты и др.

В целом диспозитивный режим уголовно-правового регулирования может быть определен как особая система уголовно-правового регулирования отношений по реализации права на частный интерес, характеризующаяся целостностью, устойчивостью связей между элементами, стимулируемостью, функциональностью, изменчивостью и целесообразностью.

1. Гвишиани Д. М. Теоретико-методологические основания системных исследований и разработка проблем глобального развития // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. М., 1982. С. 14.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 185.
3. Сорокин В. Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 16–17.
4. См.: Юдин Э. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем // Проблемы методологии системного исследования : сб. науч. тр. М., 1970. С. 360.
5. См.: Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 143.
6. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 2010. С. 487.

Резервы компенсационных выплат как публичные денежные фонды

Reserves of Compensation as Public Money Funds

В данной статье раскрывается финансово-правовая природа компенсационных выплат и выделяются признаки, присущие компенсационным выплатам. Автор приходит к выводу, что средства резервов компенсационных выплат являются публичными денежными средствами.

Профессиональное объединение страховщиков (Российский союз автостраховщиков); резервы компенсационных выплат как публичные денежные фонды; обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств

The article considers financial and legal nature of compensatory payments reveals and the signs inherent in compensation are allocated. The author comes to a conclusion that means of reserves of compensatory payments are public money.

Professional association of insurers (the Russian Association of Motor Insurers); reserves of compensation as public monetary funds; mandatory insurance of civil liability of vehicle owners

В Российской Федерации предусмотрен механизм, гарантирующий возмещение вреда потерпевшим по обязательному страхованию. Финансовую основу механизма возмещения вреда потерпевшим по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее — ОСАГО) составляют специальные денежные фонды — резерв гарантий и резерв текущих компенсационных выплат (далее также — резервы компенсационных выплат).

Ю. А. Смирникова, анализируя понятие, правовую природу и механизм действия компенсационных выплат, сделала вывод, что отношения, возникающие по поводу осуществления компенсационных выплат, имеют финансово-правовую природу, а формируемые фонды являются публичными децентрализованными денежными фондами [1].

Резервы формируются за счет отчислений страховщиков, осуществляющих ОСАГО. Основаниями осуществления компенсационных выплат служат применение к страховщику процедуры банкротства; отзыв у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности; неизвестность лица, ответственного за причиненный потерпевшему вред; отсутствие договора ОСАГО из-за неисполнения владельцем транспортного средства обязанности по страхованию.

Держателем резервов компенсационных выплат является профессиональное объединение страховщиков Российский союз автостраховщиков (далее — РСА). Основной целью РСА служит защита прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств. Российский

союз автостраховщиков не имеет целью своей деятельности извлечение прибыли и не распределяет полученную прибыль среди членов РСА, а получаемую прибыль использует только для целей деятельности РСА. Профессиональное объединение страховщиков может осуществлять коммерческую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано (ст. 25 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [2]). Таким образом, профессиональное объединение страховщиков призвано обеспечивать публичные интересы государства и общества, заключающиеся в предотвращении вреда и защите потерпевших лиц в дорожно-транспортном происшествии (далее — ДТП).

Правовой статус РСА характеризует его как субъекта, выполняющего публичные функции, такие как:

- разработка и установление обязательных для профессионального объединения и его членов правил профессиональной деятельности, в том числе регулирующих порядок финансирования резервов компенсационных выплат страховыми организациями — членами РСА;

- осуществление аккредитации операторов технического осмотра (юридических лиц или индивидуальных предпринимателей), ведение реестра аккредитованных операторов технического осмотра;

- осуществление контроля за деятельностью операторов технического осмотра, ведение реестра операторов технического осмотра;

- определение процедур проведения проверок деятельности страховых организаций — членов РСА и соблюдения ими страхового законодательства, правил профессиональной деятельности и решений РСА;

- применение санкций и иных мер к страховым организациям — членам РСА, их должностным лицам и работникам.

Размеры отчислений в резервы компенсационных выплат устанавливаются в соответствии со структурой страховых тарифов. Страховой тариф используется для расчета страховой премии страховщика по ОСАГО. Согласно постановлению Правительства РФ от 08.12.2005 № 739 «Об утверждении страховых тарифов по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, их структуры и порядка применения страховщиками при определении страховой премии» [3] страховщики отчисляют в резерв гарантий 2 % и в резерв текущих компенсационных выплат 1 % от начисленных страховых премий по договорам ОСАГО.

В соответствии со ст. 26 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [4] для обеспечения исполнения обязательств по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию страховщики формируют страховые резервы. Средства страховых резервов используются исключительно для осуществления страховых выплат.

Таким образом, резервы компенсационных выплат напрямую не входят в состав страховых резервов страховщиков, которые они обязаны формировать и использовать строго по назначению, т. е. для осуществления страховых выплат.

В силу закона страхователь — владелец транспортного средства — обязан застраховать и, соответственно, уплатить страховщику страховую премию, куда входят на основании страхового тарифа отчисления в резервы компенсационных выплат. Данные отчисления от страховой премии обязательны для всех страхователей, что является обременением страхователя, но не страховой организации. Страховщик не может рассматривать денежные средства, поступившие к нему в виде отчислений в резервы компенсационных выплат, в качестве собственной премии.

К тому же обязательные отчисления страховщиков в резервы компенсационных выплат относятся к расходам страховой компании, которые уменьшают налогооблагаемую базу по налогу на прибыль в соответствии с п. 2 ст. 294 НК [5] (см. также информационное письмо Минфина России от 18.12.2007 № 03-03-06/3/27 об учете расходов страховых организаций в виде членских взносов на обеспечение деятельности Российского союза автостраховщиков, касающееся порядка налогообложения сумм отчислений в резервы компенсационных выплат и членских взносов на обеспечение деятельности Союза).

Следовательно, резервы компенсационных выплат формируются не за счет прибыли страховщика, а за счет отчислений страхователей. Аналогичные выводы были сделаны в Определении Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 1082-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Страховая компания “УРАЛПРОС” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 20, пунктов 2 и 3 статьи 27 Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”» [6] в отношении отчислений в резерв гарантий.

Таким образом, резервы компенсационных выплат предназначены только для финансового обеспечения компенсационных выплат и подлежат перечислению РСА.

Для того чтобы определиться с правовой сущностью резервов компенсационных выплат, необходимо рассмотреть их правовой режим.

Средства резервов компенсационных выплат, представляющих собой обособленную совокупность денежных средств, позволяют обеспечить обособление денежных средств, необходимых для осуществления компенсационных выплат от денежных средств организации, управляющей данными резервами (РСА). Так, в соответствии со ст. 28 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» средства, предназначенные для финансирования компенсационных выплат, обособляются от иного имущества профессионального объединения, для каждого из резервов открывается свой отдельный банковский счет.

Страховая организация — член РСА — несет ответственность за правильность расчета отчислений в резервы компенсационных выплат и за своевременность перечисления средств из резервов в РСА согласно Правилам применения санкций и иных мер по отношению к членам РСА, их должностным лицам и работникам. Пунктом 6.3 данных правил установлено, что неуплата членских взносов и иных обязательных платежей в установленный срок влечет предупреждение или наложение финансовой санкции, в виде процентного соотношения от размера суммы неуплаченного взноса. Член РСА, систематически (два и более раза в течение 12 месяцев) частично или полностью не уплативший взносы в РСА, может быть исключен из профессионального объединения страховщиков, что будет означать запрет на осуществление деятельности по ОСАГО.

Исходя из вышеизложенного можно выделить следующие признаки, присущие резервам компенсационных выплат:

- средства резервов могут использоваться исключительно по целевому назначению (компенсация вреда потерпевшим по ОСАГО). Нецелевое расходование средств резервов не допускается;
- цель использования средств резервов носит публичный характер (защита прав потерпев-

ших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами);

- право собственности на средства резервов компенсационных выплат принадлежит профессиональному объединению автостраховщиков, имеющему публично-правовой характер, но оно ограничено публичными целями, выполняемыми РСА. Страховые организации являются лишь посредниками в использовании страховых фондов;

- резервы компенсационных выплат не связаны со страховыми обязательствами страховых организаций, формируются помимо страховых резервов. Резервы компенсационных выплат создаются не за счет прибыли страховщика, а за счет отчислений страхователей, и страховая организация выступает в данных отношениях в качестве посредника;

- резервы компенсационных выплат формируются специальным субъектом — РСА, который обладает публичными функциями, что обусловлено необходимостью обеспечения максимальной защиты интересов как владельцев транспортных средств — страхователей, так и потерпевших в ДТП;

- компенсационные выплаты, осуществляемые РСА потерпевшему, основаны не на страховых договорных отношениях, а обусловлены возложенной на РСА публичной обязанностью производить компенсационную выплату потерпевшему при возникновении определенных оснований, не зависящих от условий договора страхования, заключаемого между страхователем и страховой организацией. В данном случае страхователь не имеет возможности отклониться от модели поведения, установленной законом (в частности, выбрать страховщика, повлиять на определение страхового случая, размер страховых взносов);

- финансово-правовой характер ответственности за неуплату (просрочку уплаты) взносов в резервы компенсационных выплат.

На основании данного перечня можно сделать вывод, что средства резервов компенсационных выплат являются публичными денежными средствами.

1. См.: Смирникова Ю. Л. Регулятивная функция современного финансового права. СПб., 2011. С. 58.
2. См.: СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
3. См.: Там же. 2005. № 51. Ст. 5527.
4. См.: ВСНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
5. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Там же. 2000. № 32. Ст. 3340.
6. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Об исключительных правах в исполнительном производстве

Exclusive Rights in Executory Process

В хозяйственной деятельности человека особое положение занимает интеллектуальная собственность. У ее обладателей возникают личные неимущественные и исключительные права. С точки зрения отчуждаемости наиболее значимыми являются исключительные права. Ввиду этого законодательство РФ предусматривает возможность обращения на них взыскания в рамках исполнительного производства. Однако, несмотря на унификацию правового регулирования, указанная сфера взыскания по-разному отражена в законодательстве.

Интеллектуальная собственность; результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации; исключительные права; обращение взыскания; исполнительное производство

The intellectual property occupies a special position in the economic activities. The authors of intellectual property have moral and exclusive rights. From the point of view of alienability the exclusive rights are most significant. Because of this special property the current legislation provides the possibility to seek recovery of the minexecutory process. However, in spite of the uniform law, the abovementioned area of recovery has not found a single approach.

Intellectual property; the results of intellectual activities, means of identification; exclusive rights; seek recovery; executory process

В хозяйственной деятельности человека особое положение занимают результаты творчества, которые всегда присутствовали в жизни людей. Долгое время они считались общественным достоянием и лишь с развитием гражданского оборота были признаны интеллектуальной собственностью.

В ст. 1225 ГК [1] под интеллектуальной собственностью понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. Там же был установлен исчерпывающий перечень таких ре-

зультатов и средств: произведения науки, литературы и искусства; базы данных; фонограммы; изобретения; секреты производства (ноу-хау); фирменные наименования; товарные знаки и многое другое.

Общей характерной чертой вышеуказанных объектов является существование их в виде идеальных понятий, в отношении которых у их авторов возникают интеллектуальные права: личные неимущественные и исключительные. Личные неимущественные права неразрывно связаны с его автором. Они неотчуждаемы и не могут быть представлены в виде самостоятельного объекта гражданско-правовых отношений.

С точки зрения оборотоспособности наиболее значимыми являются исключительные права. Они выражены в виде возможности использовать результат интеллектуальной собственности и средство индивидуализации в любой форме и любым не противоречащим закону способом. Одна из их основных характерных черт — отчуждаемость. Ввиду этого ст. 75 Федерального закона РФ от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [2] предусматривает обращение на них взыскания, осуществляемого в соответствии с гражданским законодательством РФ.

Несмотря на унификацию источника гражданско-правового регулирования, вопросы, связанные с обращением взыскания на результаты интеллектуальной собственности, не нашли единого подхода. Так, рассматривая авторские права, ст. 1284 ГК прямо запрещает обращать взыскание на принадлежащее автору, его наследникам исключительное право на произведение. В дополнение к этому ст. 1259 ГК предусматривает, что программы для ЭВМ охраняются как литературные произведения. Следовательно, на принадлежащее автору исключительное право на программу для ЭВМ также не может быть обращено взыскание. А в соответствии со ст. 1319 ГК законодатель не допускает обращение взыскания на принадлежащее исполнителю, его наследникам исключительное право на исполнение. Прямой запрет на обращение взыскания установлен и в ст. 1405 ГК в отношении секретного изобретения.

Вместе с тем гражданско-правовые нормы указывают и на возможность обратить взыскание на права требования автора, исполнителя к другим лицам по договорам об отчуждении исключительного права на произведение (исполнение, программу для ЭВМ) и на денежные требования по лицензионным договорам; на доходы, полученные от использования произведения (исполнения, программы для ЭВМ); на исключительное право, принадлежащее не самому автору (исполнителю), а другому лицу, и на право использования произведения (исполнения, программы для ЭВМ), принадлежащее лицензиату.

Следует отметить, что на этом перечень норм ГК, содержащих прямое дозволение или запрет обращения взыскания, закончен. В связи с этим остается неясна возможность обращения взыскания на иные исключительные права на результаты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации, не входящие в вышеуказанный перечень. Вероятно, отсутствие запрета можно рассматривать как все, что не запрещено законом, то разрешено, или, наоборот: отсутствие предусмотренного права

на обращение взыскания — это недопустимость такого обращения.

Трудно представить, с чем связан такой подход, ведь законодатель не только не закрепил механизм реализации обращения взыскания на отдельные виды исключительных прав. Он даже не упоминает о возможности или запрете обращения на них взыскания в рамках исполнительного производства. А между тем правовая природа результатов интеллектуальной собственности не так проста и однородна.

В первую очередь следует выделить совокупность исключительных прав, которые в силу той или иной специфики не могут подлежать отчуждению, а равно быть объектом обращения взыскания. К ним относятся такие средства индивидуализации, как фирменное наименование, наименование места происхождения товара, коллективный товарный знак.

В отношении фирменного наименования это связано с тем, что исключительное право на него прежде всего следует рассматривать как наименование, под которым участник правовых отношений выступает в гражданском обороте, отличаясь от других юридических лиц. Именно поэтому законодательно установлено, что любой хозяйствующий субъект обязан иметь фирменное наименование. Оно должно быть неизменным, правдиво отражать правовое положение юридического лица, обладать индивидуальными признаками, которые не допускали бы смешения с другими участниками и не вводили в заблуждение субъектов гражданского оборота.

В таком ключе понимания за правом на фирменное наименование следует признать немущественный характер: неотделимость от личности юридического лица и неотчуждаемость каким-либо способом, в том числе посредством обращения взыскания на него.

Вышеуказанную позицию могла бы подтвердить ст. 1474 ГК, перечисляющая не применяемые к исключительному праву на фирменное наименование способы распоряжения. Но, к сожалению, среди запрещающих способов она не называет обращение взыскания. Не упоминается оно и в различных источниках толкования нормы права. Это позволяет существовать неверным суждениям о дозволении законодателя на обращение взыскания на исключительные права на фирменные наименования. В целях недопустимости введения участников гражданского оборота в заблуждение необходимо вышеуказанный перечень недопустимых способов распоряжения исключительным правом на фирменное наименование дополнить и иными основаниями, в том числе обращением взыскания.

Несмотря на то что коммерческое обозначение имеет схожие признаки с фирменным наименованием и близкую к нему направленность, по своей правовой природе оно все же отлично. Это обусловлено тем, что коммерческое обозначение используется для индивидуализации одного или нескольких предприятий и не подлежит обязательному включению в учредительные документы, единый государственный реестр юридических лиц, т. е. в результате такого взаимодействия с внешним миром в коммерческом обозначении тесно переплетены личные неимущественные и имущественные права. В связи с этим ст. 1539 ГК устанавливает, что такое исключительное обозначение может переходить к другому лицу, в том числе по договору, в порядке универсального правопреемства и по иным основаниям, установленным законом, но только в составе предприятия, для индивидуализации которого оно используется. Это позволяет сделать вывод о возможности обратиться на него взыскание в рамках исполнительного производства, но только лишь в составе предприятия.

Суждение о невозможности обратиться взыскание на исключительное право на фирменное наименование, а равно и предложение по совершенствованию действующего законодательства, можно отнести и к коллективному товарному знаку. Это обусловлено тем, что ст. 1510 ГК устанавливает, что право на такое средство индивидуализации товаров не может быть отчуждено и не может быть предметом лицензионного договора.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в силу правовой природы невозможно реализовать исполнительное производство и в отношении исключительного права на наименование места происхождения товара. Причины такого положения кроются в том, что лицами, имеющими право использовать данный результат, исходя из толкования ст. 1516 ГК, могут быть не любые субъекты, а лишь те, которые связаны с производством, изготовлением такого рода товаров. В связи с этим ст. 1519 ГК устанавливает, что не допускается использование зарегистрированного наименования места происхождения товара лицами, не имеющими свидетельства об исключительном праве. Также достаточно точно определено и то, что распоряжение данным правом, в том числе путем его отчуждения или представления другому лицу, не допускается. В свою очередь, ст. 1536 ГК устанавливает прекращение правовой охраны наименования места происхождения товара в связи с ликвидацией юридического лица или прекращением предпринимательской деятельности индивидуального предпринимателя.

Таким образом, с учетом вышеизложенных норм следует, что использовать наименование места происхождения товара могут только специальные субъекты, которым не предоставлено какое-либо право передачи его другим лицам. Ввиду такого толкования норм права возможно абсолютно категорично заявить об отсутствии правовой регламентации возможности обращения взыскания на наименование места происхождения товара. В то же время следует подчеркнуть, что в составе имущественного комплекса материальная сторона наименования места происхождения товаров очевидна. Именно поэтому в целях защиты прав кредиторов необходимо на законодательном уровне предусмотреть порядок обращения взыскания на наименование места происхождения товара с учетом специфики данного интеллектуального права.

Если в отношении вышеуказанных средств индивидуализации юридических лиц, товаров и услуг возможность или запрет произвести обращение взыскания ясны через призму их правовой природы, то в отношении исключительных прав на базы данных, фонограммы, сообщения в эфир или по кабелю радио- или телепередач (эфирное или кабельное вещание), изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), товарные знаки и знаки обслуживания волю законодателя можно только предположить.

Так, несмотря на отсутствие законодательного сопровождения в части обращения взыскания на вышеуказанные исключительные права, бесспорность утверждения о возможности обращения на них взыскания абсолютна. Например, доктор юридических наук М. В. Телюкина не только указывает на нее, но и раскрывает механизм обращения взыскания на объекты патентного права [3].

Следует отметить, что по существу данной проблемы в научном мире лишь отмечается, что указанный пробел связан с особенностью рассматриваемых объектов. В частности, кандидат юридических наук, начальник Правового управления ФССП России А. Р. Голубева указывает, что разработчики части четвертой ГК, сделав акцент лишь на определенные исключительные права, преследовали цель выделения особенностей обращения взыскания на них, а не исключения возможности обращения взыскания на исключительные права на иные результаты интеллектуальной деятельности [4]. Действительно, в ходе системного анализа норм ГК необходимо согласиться с вышеуказанной позицией. Тем не менее хочется

подчеркнуть, что каждый из видов интеллектуальной собственности действительно обладает определенными особенностями. Это не может не сказаться на процедуре их обращения взыскания, обуславливая необходимость не только не закрепления права, но и разработки специального механизма обращения взыскания.

Например, установление общего порядка обращения взыскания на исключительные права на секрет производства неизбежно приведет или к значительной утрате стоимости данного имущественного права, или к его прекращению вообще. В первую очередь это связано с тем, что, раскрывая значение данной категории, законодатель подчеркивает, что ноу-хау имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности его третьим лицам. Однако реализация в общем порядке секрета производства в результате обращения на него требований взыскателя сопряжена с раскрытием вышеуказанной информации на всех этапах исполнительного производства: при выявлении такого объекта, его оценке, подготовке к проведению торгов, непосредственном ходе аукциона. Более того, перечень лиц, которым может стать извест-

на информация о содержании такого права, не ограничен: судебный пристав-исполнитель, оценщики, взыскатели, участники торгов и др. Следовательно, современное законодательное закрепление, разрешающее обращаться взыскание на такое исключительное право, как секрет производства, ведет как минимум к утрате ценности ноу-хау, а как максимум — к потере всего объекта в целом.

Таким образом, исключительные права на выделенные объекты результатов интеллектуальной деятельности представляют коммерческую ценность, могут быть выделены из имущественного оборота и в дальнейшем служить самостоятельным объектом обращения взыскания по требованиям кредиторов в рамках исполнительного производства. Именно поэтому в целях защиты прав кредиторов посредством сохранения имущественной сферы должника для погашения задолженности перед ними необходимо в ГК предусмотреть не только прямую возможность обращения на них взыскания в рамках исполнительного производства, но и установить особенности их реализации, обусловленные специфическим характером.

1. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

2. См.: СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

3. См.: Телюкина М. В. Обращение взыскания на исключительные права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 96.

4. См.: Голубева А. Р. Вопросы обращения взыскания на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека : сб. науч. ст. СПб. ; Краснодар, 2008. С. 615.

УДК 349.2–05

К юбилею трудовой деятельности Владимира Львовича Гейхмана

To the Anniversary of Labor Activity of Vladimir Lvovich Geikhman

Статья посвящена большому труженику и выдающемуся ученому, внесшему огромный вклад в развитие РПА Минюста России и юридической науки в целом.

Владимир Гейхман; юбилей; 60 лет трудовой деятельности

The article is devoted to the great toiler and an outstanding scientist who has made a huge contribution to the development of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation and in the development of legal science in general.

Vladimir Geikhman; anniversary; 60 years of labor activities

В нынешнем году исполнилось 60 лет с начала трудовой и научно-педагогической деятельности одного из основателей РПА Минюста России (Академия), ее старейшины — Владимира Львовича Гейхмана.

В далеком 1952 г. 21-летний выпускник престижного столичного вуза В. А. Гейхман стал преподавателем трудового права в одном из вузов Днепропетровска. Начав свою научно-педагогическую деятельность на Украине, в 1972 г. Владимир Львович был приглашен в создававшийся Министерством юстиции СССР Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции (ВИУРЮ),

ставший впоследствии Правовой академией Министерства юстиции СССР, а с декабря 1991 г. — РПА Минюста России.

Вот уже более 40 лет трудовой и творческий путь В. А. Гейхмана неразрывно связан с нашим вузом. Он был одним из первых научно-педагогических работников ВИУРЮ, первым аттестованным доцентом. Многие успехи и достижения ВИУРЮ, а ныне Академии, связаны с именем Владимира Львовича. По существу система повышения квалификации судей и работников органов юстиции СССР была создана при его деятельном участии.

В Академии В. Л. Гейхман работал на разных должностях: доцент кафедры, заведующий кафедрой, вице-президент по учебной работе, президент и ректор. Народная мудрость о том, что не место красит человека, а человек место, относится к Владимиру Львовичу в полной мере. Какую бы должность В. Л. Гейхман ни занимал, он всегда оставался душой коллектива, его лидером, мудрым старшим товарищем. Природный оптимизм, чувство юмора и потрясающая работоспособность всегда помогали Владимиру Львовичу решать сложные, новаторские задачи, реализовывать, как теперь принято говорить, проекты *start up*.

Так, в 1998 г. именно Владимиру Львовичу была поручена организация юридического факультета. Став вице-президентом Академии по учебной работе, он, приложив весь свой организаторский талант и опираясь на накопленный жизненный опыт, в кратчайшие сроки практически с нуля создал юридический факультет. Академия стала вторым домом для первых ее студентов, каждого из которых Владимир Львович знал по имени, в дальнейшей судьбе многих первых выпускников он принял живое участие.

Известно, что вуз славен своими профессорами и преподавателями; не жалея сил и проявляя чудеса изобретательности, Владимир Львович умело привлекал в Академию ярких, незаурядных людей, таких как Б. Н. Мальков, М. Н. Илюшина, М. М. Рассолов. Незабываема атмосфера тех лет, когда многое делалось на энтузиазме и творческом подъеме! Душой той «бучи, боевой, кипучей» был Владимир Львович Гейхман!

Будучи вице-президентом по учебной работе, В. Л. Гейхман использовал свой опыт и знания для укрепления юридического факультета, повышения авторитета и популярности Академии как высшего юридического учебного заведения, вскоре занявшего одно из высоких мест в рейтинге вузов.

В июле 2001 г. В. Л. Гейхман был избран президентом Академии. Основной целью деятельности Владимира Львовича в качестве президента Академии стало повышение ее статуса как учебного заведения высшего профессионального образования, усиление стимулирующей роли оплаты труда, укрепление материально-технической базы и улучшение кадрового состава. Была упорядочена и увеличена оплата труда профессорско-преподавательского состава, что способствовало его увеличению и повышению квалификационного уровня. В результате принятых мер уже к 2001 / 2002 учебному году удалось преодолеть дефицит кадров. Число докторов наук и профессоров к началу 2002 г. увеличилось на 12 человек.

Деятельность по укомплектованию профессорско-преподавательского состава высококвалифицированными специалистами, улучшению качества обучения поставила Академию в один ряд с ведущими юридическими вузами страны: в рейтинге юридических вузов России 2003 г. Академия занимала третье место.

Благодаря усилиям В. Л. Гейхмана Академия в 2003 г. получила в оперативное управление здание, расположенное по адресу: Большой Каретный переулок, д. 10А.

Отличительной чертой работы Академии в тот период стало осуществление преподавателями учебной и научной деятельности совместно с руководителями и практическими работниками органов, учреждений юстиции и судов.

С приходом Владимира Львовича на должность президента Академии существенно изменилась ее структура: увеличилась численность кафедр (их стало 16), а число филиалов достигло 14. Особо следует подчеркнуть, что при непосредственном участии В. Л. Гейхмана в 2000–2002 гг. были образованы Дальневосточный (г. Хабаровск) филиал, Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал), Казанский юридический институт (филиал) и Ижевский юридический институт (филиал).

Откликаясь на потребность системы органов и учреждений юстиции, других заинтересованных в юристах среднего звена организаций, В. Л. Гейхман вместе с группой энтузиастов в августе 2001 г. создал Академический правовой колледж как среднюю ступень в реализуемой Академией системе непрерывного образования «Школа — Колледж — Академия».

Создание высококвалифицированного коллектива ученых и специалистов в различных областях науки и практики позволило В. Л. Гейхману сформировать диссертационные советы, расширить подготовку научно-педагогических кадров в системе послевузовского профессионального образования, организовать выпуск собственных периодических научных изданий (так, в 2003 г. стал выходить научно-практический журнал «Вестник Российской правовой академии»).

В целях развития научных исследований и научно-экспертной деятельности в 2001 г. В. Л. Гейхманом в Академии была создана научно-исследовательская часть (впоследствии преобразованная в Научно-исследовательский институт). Это был «научно-мозговой центр», в котором трудились видные российские ученые-правоведы: действительный член РАН В. С. Нерсисянц, члены-корреспонденты РАН Е. А. Лукашева и Г. В. Мальцев.

Расширение сети филиалов позволило Академии активизировать основное направление ее

деятельности — повышение квалификации и профессиональную переподготовку кадров для системы органов и учреждений юстиции, но уже с акцентом на территориальные структуры Минюста России.

За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность В. А. Гейхман удостоен государственных наград: ордена Почета (1998 г), ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2005 г.), медали «Ветеран труда СССР», почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР» (1981 г.); награжден ведомственными наградами: медалью Анатолия Кони и другими медалями Минюста России. Ему присвоены звания «Почетный работник юстиции России» (2002 г.) и «Почетный работник высшего профессионального образования России» (2001 г.). В. А. Гейхман имеет международные награды «Святая София» и имени Королевы Виктории, почетный знак РАЕН «Звезда Академии» I степени, ряд наград других академий и общественных организаций.

Наряду с организационной и педагогической деятельностью В. А. Гейхман активно занимается научной работой. Основной сферой его научных интересов является трудовое право, особенно теоретические проблемы трудового правоотношения и трудового договора. Наиболее весомым вкладом в развитие теории трудовых правоотношений стало научное исследование В. А. Гейхмана, в котором проанализированы особенности и классифицированы основания возникновения трудовых правоотношений отдельных категорий работников. Развита В. А. Гейхманом система оснований возникновения трудовых правоотношений, а также классификация юридических фактов и фактических составов были восприняты исследователями в области трудового и пенсионного правоотношений, а его предложения нашли закрепление в трудовом законодательстве, в частности в ТК.

Значительный вклад внесен В. А. Гейхманом в исследование правового регулирования подготовки, аттестации научно-педагогических кадров, организации их научно-исследовательской работы и труда научно-педагогических работников вузов. По этой проблематике было подготовлено и опубликовано пять работ, последняя

из них — «Высшая школа: правовые проблемы» (1990 г.). В. А. Гейхман является автором и соавтором более 100 научных трудов, в числе которых: «Справочник по правовым вопросам высшей школы» (1964, 1969, 1984 гг.), «Трудовые права преподавателей высших и средних специальных учебных заведений» (1974 г.), «Трудовые права работников юстиции», «Рассмотрение судами исков о восстановлении на работе», «Основы трудового законодательства СССР» (учебное пособие для неюридических вузов) (1978 г.), «Трудовое право» (учебник для юридических вузов в соавторстве с И. К. Дмитриевой) (2002, 2010, 2011, 2012 гг.), «Трудовое право» (практикум под редакцией В. А. Гейхмана и И. К. Дмитриевой) (2011 г.) и др. В 2003 г. с его участием издан «Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации», подготовленный в основном авторским коллективом возглавляемой им кафедры трудового права и права социального обеспечения Академии, выдержавший в 2003–2011 гг. восемь изданий. В 2012 г. вышел из печати подготовленный под его руководством «Научно-практический комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации».

На протяжении всех лет работы в Академии В. А. Гейхман активно участвует в общественно-профессиональной деятельности. В последние годы он является членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, членом Экспертного научного совета при Комитете по труду и социальной политике Государственной Думы, членом Экспертного совета по правовым вопросам развития образования при Комитете по образованию Государственной Думы, членом президиума Ученого совета РАЮН, членом президиума Совета президентов Российского союза ректоров.

В Академии В. А. Гейхман является заместителем председателя Ученого совета, заведует кафедрой трудового права и права социального обеспечения.

От души поздравляем В. А. Гейхмана с 60-летием трудовой и научно-педагогической деятельности, которая может служить примером для молодых научно-педагогических работников.

Желаем Владимиру Львовичу долголетия, новых трудовых и творческих свершений!

Редколлегия

Сокращения, принятые в издании

Банк России — Центральный банк Российской Федерации

БНА — Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти

ВВС — Ведомости Верховного Совета

ВКС — Вестник Конституционного Суда

ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

гл. — глава (-ы)

Государственная Дума — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

дол. — доллар (-ы)

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минздравсоцразвития России — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн — миллион (-ы)

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество (-а) с ограниченной ответственностью

п. — пункт (-ы)

разд. — раздел (-ы)

РГ — «Российская газета»

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

руб. — рубль (-и)

СЗ — Собрание законодательства

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средство (-а) массовой информации

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья (-и)

США — Соединенные Штаты Америки

СУ — Собрание узаконений

ФНС России — Федеральная налоговая служба

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов

ЦИК — Центральная избирательная комиссия

ч. — часть (-и)

ЭВМ — электронно-вычислительная (-ые) машина (-ы)

Наши авторы

Абдулмуслимов Махач Абдулмуслимович — аспирант кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России (г. Москва), Makhach_87@mail.ru

Абрамов Владислав Геннадьевич — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Северного (г. Петрозаводск) филиала РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Петрозаводск), vlaabr@rambler.ru

Агапов Сергей Викторович — доцент кафедры гражданского права РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), levels1234@yandex.ru

Астапова Татьяна Юрьевна — доцент кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), Astapova.t@mail.ru

Борсученко Светлана Алексеевна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), bca38@mail.ru

Воронешкий Петр Михайлович — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Северного (г. Петрозаводск) филиала РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Петрозаводск), corbeau82@mail.ru

Гехова Дина Хусеновна — соискатель Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва), dinagekhova@mail.ru

Гуков Роман Владимирович — соискатель кафедры предпринимательского права, граждан-

ского и арбитражного процесса РПА Минюста России (г. Москва), visitoreuro@gmail.com

Кондрат Иван Николаевич — профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук (г. Москва), inkondrat@mail.ru

Мальков Борис Николаевич — заведующий кафедрой философии и социально-экономических дисциплин РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), malkovbn@mail.ru

Маркарян Валерий Гарикович — аспирант кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России (г. Москва), Kempo.russia@gmail.com

Мерзлякова Александра Сергеевна — аспирант кафедры административного и финансового права РПА Минюста России (г. Москва), merzaleksandra@yandex.ru

Огурцов Сергей Александрович — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), serg_wasp@mail.ru

Сидоренко Элина Леонидовна — доцент кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), 12011979@list.ru

Сидорова Екатерина Викторовна — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), sidk77@yandex.ru

Our Authors

Abdulmuslimov Makhach Abdulmuslimovich — the post-graduate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Makhach_87@mail.ru

Abramov Vladislav Gennadievich — the assistant professor of the Chair of Criminal Law Disciplines of North (Petrozavodsk) Branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), vlaabr@rambler.ru

Agapov Sergey Victorovich — the assistant professor of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), levels1234@yandex.ru

Astapova Tatiana Yurievna — the assistant professor of the Management of Bailiff Service and Enforcement Proceeding Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), Astapova.t@mail.ru

Borsuchenko Svetlana Alexeevna — the assistant professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), bca38@mail.ru

Gekhova Dina Khusenovna — the post-graduate of the State Office of Public Prosecutor of the Russian Federation (Moscow), dinagekhova@mail.ru

Gukov Roman Vladimirovich — the post-graduate of the Business Law, Civil and Arbitration Proceedings Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), visitoreuro@gmail.com

Kondrat Ivan Nikolaevich — professor of the Chair of Lawful Guarantee for Management Activity of Moscow State Institute of Foreign Affairs

(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), inkondrat@mail.ru

Malkov Boris Nikolaevich — head of the Philosophy and Social and Economic Disciplines Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor, honored worker of science of the Russian Federation (Moscow), malkovbn@mail.ru

Markaryan Valery Garikovich — the post-graduate of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), Kempo.russia@gmail.com

Merzlyakova Alexandra Sergeevna — the post-graduate of the Administrative and Finance Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), merzaleksandra@yandex.ru

Ogurtsov Sergey Alexandrovich — senior teacher of the Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), serg_wasp@mail.ru

Sidorenko Elina Leonidovna — the assistant professor of Criminal Law and Criminology Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), 12011979@list.ru

Sidorova Ekaterina Victorovna — the assistant professor of the Theory of the State and Right Chair of the Moscow University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), sidk77@yandex.ru

Voronetskij Petr Mikhailovich — the assistant professor of the Chair of Civil Law of the Northern (Petrozavodsk) Branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Petrozavodsk), corbeau82@mail.ru

Вышли из печати

Агапов, С. В.

Семейное право в схемах : учеб. пособие / С. В. Агапов ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2012. — 104 с. — 110 экз. — ISBN 978-5-89172-420-4.

В учебном пособии в краткой форме рассмотрены вопросы курса семейного права с учетом последних изменений в российском законодательстве. Все представленные логические схемы дополнительно снабжены необходимыми комментариями и разъяснениями.

Издание предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, а также для самостоятельного изучения семейного права.

Смирникова, Ю. Л.

Бюджетное право и процесс : учеб. пособие / Ю. Л. Смирникова, Е. А. Гончарова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2012. — 88 с. — 160 экз. — ISBN 978-5-89172-403-7.

В учебном пособии исследованы предмет, метод и источники бюджетного права, изложен учебный материал относительно понятия и видов бюджетов, рассмотрены понятие и структура бюджетной системы, а также принципы ее построения, проанализированы понятие и виды доходов и расходов бюджетов, рассмотрены стадии бюджетного процесса.

Издание предназначено для студентов и магистрантов юридических вузов.

Чумакова, О. В.

Административное право : практикум / О. В. Чумакова ; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2012. — 126 с. — 260 экз. — ISBN 978-5-89172-412-9.

Практикум призван помочь учащимся высших учебных заведений при изучении предмета «Административная ответственность», а также в их дальнейшей работе на предприятиях и в организациях. Практические задания помогут приобрести представление о порядке привлечения к административной ответственности за различные виды правонарушений. Варианты заданий, приведенные в практикуме, разбиты на блоки по видам правонарушений.

Практикум предназначен для бакалавров и магистров юридических вузов.

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;

- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;

- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

*По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадиию Асафовичу Насимову** по электронной почте **vestnik-rpa@mail.ru** или по телефону **969-16-82**.*

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением предоставленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) пристатейный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5—2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

46834

в любом почтовом отделении.

**РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,**

**входящая в число ведущих юридических вузов России
(основана в 1970 году),**

**проводит обучение по программам магистратуры
(заочная форма обучения):**

- **«ЮРИСТ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ДОЛГОВЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. В. Гушин);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ БИЗНЕСА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Е. А. Чепранова);
- **«ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. А. Виноградов);
 - **«ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор В. Г. Татарян);
 - **«ФИНАНСОВЫЙ ЮРИСТ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Б. В. Россинский);
 - **«ЭКСПЕРТ ПО ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИМ ПРОЦЕДУРАМ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор М. М. Рассолов);
- **«ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор А. В. Морозов);
 - **«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Г. С. Стародубцев);
 - **«ЮРИСТ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Н. Г. Иванов);
 - **«ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ»**
(руководитель программы — доктор юридических наук, профессор Ю. Г. Торбин).

Занятия проводят ведущие ученые и практические работники органов государственной власти, судьи судов общей юрисдикции, арбитражных судов, практикующие юристы крупных юридических компаний.

Удобный график обучения.

Срок обучения — до 2 лет 5 месяцев.

Набор производится на места с оплатой обучения.

**Наш адрес:
г. Москва, Большой Каретный пер., д. 10а, стр. 1
Тел.: (495) 609-06-35
Сайт: www.rpa-mu.ru**
